

Ласточкино гнездо

Автор:

[Валерия Вербинина](#)

Ласточкино гнездо

Валерия Вербинина

Детективное ретро #3Иван Опалин #1

Ялта, 1927 год. Пока коллеги наперегонки снимают картины к юбилею революции, режиссер Борис Винтер начинает работу над масштабным приключенческим фильмом. Однако далеко не все идет так, как было запланировано: средств не хватает, рискованный трюк приводит к травме, во время съемок на набережной в море находят утопленника, а потом и в самой съемочной группе происходит убийство... Чтобы разобраться в происходящем, молодой агент уголовного розыска Иван Опалин внедряется к киношникам и понимает, что не все они те, за кого себя выдают...

Валерия Вербинина

Ласточкино гнездо

Данный роман является вымыслом. Любое сходство с реальными людьми или событиями непреднамеренно и случайно...

Глава 1

Неприятность

Говорили, что на набережной появилось новое лицо...

Чехов А. П. «Дама с собачкой»

Однажды летом 1927 года на набережной города Ялты имело место чрезвычайное происшествие: из подкатившей машины – белого, замечу, цвета – вышел хорошо одетый господин, достал из кармана револьвер и без всяких околичностей приставил его к затылку девушки, которая стояла тут же и любовалась морем.

Девушка живо обернулась и, увидев сконфуженное лицо обладателя револьвера, залилась веселым смехом.

– Нет, нет, нет! – взволнованно закричал плечистый брюнет, подбегая к странному господину и еще более странной барышне, которая ничуть не испугалась вида оружия, которое, судя по всему, собирались обратить против нее. – Все не так!

Это была любимая фраза режиссера Винтера, и, услышав ее, члены съемочной группы заулыбались.

– Лёка! Побольше серьезности, ну что вы, в самом деле? Это важнейшая сцена, поймите, важнейшая! Финал первой серии... Эндрю, тьфу, Андрей! Решительней надо, понимаете? Вы же убеждены, что девушка, которая вам нравится, участвовала в убийстве вашего отца...

Он сыпал словами, жестикулировал, даже показал актеру Андрею Еремину, как именно надо держать револьвер:

– Чтобы все зрители ахнули! Чтобы они с нетерпением ждали выхода второй серии... Понимаете? Чтобы они гадали, убьете вы ее или нет...

Солнце припекало нещадно.

Рубашка Винтера была вся в пятнах от пота. Оператор Эдмунд Адамович Нольде, франт и щеголь, всегда ходивший в безупречном костюме-тройке, и тот вынужден был разоблачиться и дошел до того, что снял пиджак и ослабил

галстук.

Члены съемочной группы пытались спрятаться в тень, но ее было мало и хватало лишь для того, чтобы поставить несколько стульев.

Сидя на одном из них, комик Федя Лавочкин вяло обмахивался номером газеты «Известия» и, судя по утомленному выражению его круглого лица, давно исчерпал запас своих и чужих острот. Возле него Володя Голлербах, который играл в картине роль главного героя, уже несколько минут допивал квас, всячески оттягивая тот момент, когда в кружке наконец покажется дно.

Третьим стулом не без труда завладел немолодой гример Пирожков. Он сидел, поставив рядом с собой чемоданчик с принадлежностями своего ремесла, и терпеливо ждал, когда режиссер наконец закончит репетировать и велит гримировать актеров.

В павильоне, конечно, все были бы уже давно загримированы, но при такой жаре, которая стояла сейчас, тон неизбежно начинал расплываться, его приходилось подправлять, и, выведенный из себя, Винтер приказал, чтобы на натуре актеров гримировали непосредственно перед съемкой.

– И когда все это закончится? – пробормотал себе под нос реквизитор Щелкунов и тяжело вздохнул. – У нормальных людей, небось, уже обед по расписанию, не то что у нас...

Те из съемочной группы, кому не хватило стульев, сгрудились за спинами сидящих, ловя блаженные островки и клочки тени.

У аппарата оставались только Эдмунд Адамович, его помощник Саша Деревянко с дощечкой – предшественницей современной хлопушки, на которой тогда отмечали всего лишь номер снимаемого кадра[1 - Кадр – в данном случае отрезок эпизода между двумя монтажными склейками.], ассистент режиссера Петр Светляков с грудой папок и нервничающий помреж Вася Харитонов, который застыл с мегафоном в руках.

В те времена в кино делали четкое различие между ассистентом режиссера и помощником.

Ассистент считался кем-то вроде второго режиссера и полноправного коллеги, а помощник воспринимался исключительно как мальчик на побегушках.

Но вовсе не сознание собственной незначительности в киношной иерархии сейчас терзало Васю.

Лёка была его девушкой, она недавно дебютировала в кино и воспринимала все происходящее недостаточно серьезно, что лишний раз доказывал ее залиvistый смех на репетиции драматической сцены.

А Борис Винтер, как все знали, обладал вспыльчивым характером.

Вася с тревогой замечал, что Лёка плохо понимает, куда именно она попала.

Господи, ведь это же такой шанс – получить даже второстепенную роль в фильме, которой [2 - В 20-е годы слово «фильм» употреблялось почти исключительно в женском роде.] суждено стать боевиком и которая уже сейчас вызывает такой интерес.

Помреж оглянулся на цепь милиционеров в белом, которые в нескольких десятках метров от него сдерживали толпу местных жителей и туристов, пришедших посмотреть на съемки.

И ладно зеваки, но ведь уже всю гуляют слухи о том, что грядущая фильма заинтересовала и немецких прокатчиков, и французов, и англичан, и...

– Эдмунд Адамович, вы позволите? – Вперед выступил импозантный Сергей Беляев, фотограф, командированный на съемки местной студией. – Сделаю-ка я ваше фото для прессы, пока солнце не ушло...

– Куда оно уйдет, – проворчал Нольде, поправив галстук и надевая пиджак. Подумав, он снял с головы белую кепку, которую не любил, но был вынужден носить здесь, чтобы не получить солнечный удар. – На небе ни облачка...

Фотограф, возившийся со своим аппаратом, усмехнулся.

– Сразу же видно, что вы недавно в Ялте... Тут никто ничего гарантировать не может. Вспомните хотя бы недавнее землетрясение...

Но вспоминать о том, что 26 июня Ялту, а вместе с ней и весь полуостров порядочно потрянуло, Нольде не хотел. Как назло, он ухитрился накануне отравиться чем-то несвежим, и Винтер был вынужден в тот день отменить съемки.

– Нет, ну ты не мог отравиться когда-нибудь в другое время, а? – бушевал Борис после того, как землетрясение окончилось. – Из-за тебя мы упустили такие кадры!

– Простите, товарищ Винтер, – кротко ответил оператор, и его голубые глаза колочее блеснули. – Виноват.

Борис с подозрением взгляделся в его худое лицо, типичное для сухощавого блондина северных кровей, махнул рукой и, не выдержав, рассмеялся.

– Нет, ну ты подумай только: сколько людей гоняются за чем-нибудь таким... сенсационным! А у нас все из-под носа уплыло...

– Внимание, снимаю! – крикнул Беляев и припал к фотоаппарату.

Режиссер, закончив давать указания актерам, вернулся к камере и стал возле нее. Вася подал ему мегафон. Фотограф попросил разрешения снять Винтера и оператора вместе, но натолкнулся на отказ и отступил в тень, где стал вытирать платком выступивший на лбу пот.

– Кеша, возвращайся на исходную! – закричал Винтер в мегафон, обращаясь к водителю, сидевшему за рулем открытой белой машины, на которой прибыл герой Еремина. – Лёка! Андрей! По местам! Репетируем...

– Вам не кажется, что все это ужасно смешно? – не удержавшись, спросила девушка у Еремина, который спрятал револьвер и готовился вернуться в машину.

Андрей обернулся, и она невольно задержала взгляд на правильных чертах его лица.

- Нет, не кажется, - равнодушно ответил актер.

Он не имел в виду ровным счетом ничего обидного, но Лёка отчего-то приняла на свой счет - нет, не слова его, а то, что ей слышалось в его интонации. Ей почудилось, что Еремин упрекает ее за то, что из-за нее им придется еще раз репетировать, а между тем солнце жжет так, что становится трудно дышать.

Хлопнула дверца - Еремин сел в машину, и Кеша, описав полукруг, отъехал на несколько десятков метров.

Закусив губу, Лёка постаралась сосредоточиться. Вообще-то ее звали Ольга, и в жизни она носила фамилию Скирда, но режиссер счел, что на афише такое имя смотреться не будет, и, ткнув наугад пальцем в карту мира, выбрал для дебютантки псевдоним Аден - по одноименному городу.

- Владимир Голлербах, Андрей Еремин, Федор Лавочкин, Нина Гриневская, - в упоении перечислила тогда Лёка Васе, - и Ольга Аден в боевике...

- Ну Гриневская-то точно будет первой стоять, - хмыкнул Вася. - Ты забыла, кто ее муж...

- Приготовились! Кеша, поехал! - загремел Борис в мегафон, после чего прильнул к глазку съемочного аппарата, проверяя, как сцена будет выглядеть на пленке.

В толпе зевак какая-то старушка, державшая в руке пожелтевший кисейный зонтик от солнца, охнула и сделала такое движение, словно собиралась перекреститься.

- Ces gens-là me font peur[3 - Эти люди меня пугают (фр.)], - пожаловалась она по-французски стоявшей с ней рядом седовласой худой даме в пенсне на черном шнурке.

– Que du bruit! – вздохнула вторая. – Je ne comprends pas pourquoi ils rep?tent toujours le m?me. Et la fille a une robe si courte...[4 - Сколько шума! Не понимаю, почему они все время повторяют одно и то же. А у девушки такое короткое платье (фр.).]

– Son petit chapeau blanc est assez beau quand m?me[5 - Зато ее маленькая белая шляпка довольно милая (фр.)], – строго заметила старая дама с зонтиком, чтобы оставить последнее слово за собой.

Лёка поправила свою белую шапочку (которая больше смахивала на панамку с узкими полями) и стала старательно смотреть на волны.

Шум подъезжающей машины. Хлопает дверца. Шаги.

– Лёка, поворачивайтесь! – закричал Борис в мегафон. – Держимся серьезно, но не переигрываем! Вот так, хорошо! Репетиция окончена...

Пирожков шевельнулся на стуле.

– Можно гримировать? – спросил он, не веря своему счастью.

– Да, грим, и потом снимаем, – кивнул режиссер. – Руки, руки не забудьте! И вот что: Фома Лукич, шофера тоже загримируйте! Петя, дай-ка мне сценарий... Надо добавить туда пару крупных планов.

Ассистент раскрыл одну из папок и стал рыться в ней, ища нужные страницы.

Пирожков усадил Еремина на свой стул и заученными движениями стал наносить на лицо актера желтоватую смесь тона и пудры «рашель № 2», а затем – как требовали условия тогдашних съемок – подчеркнул брови и ресницы, навел темные тени под глазами и покрасил губы.

Еремин терпел и только стоически улыбался Лёке, которая ждала своей очереди. Подошел шофер Кеша, поглядел на процесс гримировки, к которому никак не мог привыкнуть, несмотря на то, что на съемках находился не первый день, и робко спросил:

- А может, меня не красить? Вряд ли кто из зрителей на меня смотреть будет...

- Ежели не красить, - строго ответил Пирожков, - у тебя кожа на пленке будет казаться темно-серой... - И он стал покрывать тоном шею и руки Еремина.

- Конец первой серии и начало второй, ну! - Борис начал сердиться на ассистента, который никак не мог отыскать нужные страницы.

- Уже нашел, - бодро отрапортовал Петя, протягивая ему отпечатанные на машинке листы, разлохматившиеся от того, что их то и дело передавали из рук в руки и вносили в них какие-то загадочные пометки.

Режиссер пробежал глазами строки и карандашом с толстым грифелем стал вписывать в сценарий исправления, одновременно кое-где меняя нумерацию будущих монтажных кусков.

Сам сценарий в то время выглядел примерно таким образом:

«675. Эндрю едет в машине.

676. Машина едет по улице.

677. Мэри на набережной, смотрит на море.

678. Машина останавливается. Эндрю выходит из машины...»

Возле номеров 675, 676 и 677 на полях почерком ассистента было написано: «снято». После номера 678 Борис добавил строку 678 а «Эндрю вынимает револьвер (крупный план)», а затем внес еще несколько изменений, которые показал оператору.

- Можно вставить вид моря после 677-го, - заметил Нольде.

- И опять план Лёки, тьфу, Мэри?

– Да, чтобы зрители начали ерзать на местах от нетерпения. – Эдмунд Адамович усмехнулся.

– А мы сегодня успеем? Мы же еще собирались заснять, как Володя с Федей бросаются на Еремина, чтобы спасти девушку. Правда, это уже начало второй серии...

– Успеем, – лаконично ответил Нольде.

В том, что касалось его работы, он не любил тратить слова попусту.

Отойдя к камере, оператор на всякий случай проверил, что пленка заряжена правильно и не преподнесет при съемке неприятных сюрпризов.

Киношники засуетились. Парикмахер Евграф Филиппович Фрезе придирчиво осмотрел пробор Еремина, убедился, что тот безупречно ровен, и кое-где добавил на волосы бриолину, чтобы их не растрепало ветром.

Фотограф Беляев снял несколько кадров, попутно заверив Лёку, что она непременно станет популярнее, чем Грета Гарбо. Реквизитор Щелкунов в очередной раз пожелал убедиться, что используемый на съемках револьвер никуда не исчез, и тут же извинился, объяснив, что отвечает за «имущество кинофабрики» и не хочет неприятностей.

– Приготовились к съемке! – с азартом закричал Борис в мегафон. Пот лил с него градом, но режиссер даже не замечал этого. – Андрей, Кеша, Лёка, на исходную!

Помощник оператора по указанию Пети написал на дощечке мелом номер снимаемого куска и сунул дощечку под объектив. Оператор на пол-оборота ручки заснял дощечку, и Саша Деревянко ловко убрал ее из кадра.

– На аппарате – есть! – крикнул Нольде режиссеру.

– Начали! – скомандовал Борис в мегафон.

Машина двинулась с места. Эдмунд Адамович припал к глазку и стал крутить ручку камеры. Сидя на стуле, Федя Лавочкин зевнул и деликатно прикрыл рот

рукой.

– Хорошо нашему главному злодею Мише, лежит сейчас где-нибудь на пляже или пиво пьет, – сообщил комик Володе, доверительно понизив голос. – Я как чувствовал, что до нас сегодня очередь не дойдет. Мише можно культурно отдыхать, а нам нельзя. У него смены нет, а у нас есть, вот и будем тут жариться, пока не пропечемся... Эх!

Он говорил, с завистью поглядывая на красивого, отменно элегантного Еремина, который играл в фильме роль наследника миллионов, попавшего в лапы международной преступной организации.

Внешне Андрей был полной противоположностью маленького, толстенького, коротконого Лавочкина, который в присутствии коллеги испытывал нечто вроде комплекса неполноценности.

Впрочем, Федю отчасти утешало то, что Еремина никто не считал хорошим актером, а главная звезда фильма Нина Гринеvская и вовсе называла его «бревно с глазками».

Тем временем наследник миллионов Эндрю уже приставил дуло револьвера к затылку девушки в белой шляпке.

– Лёка, поворачивайтесь! – закричал режиссер в мегафон. – Вот так... Очень хорошо! Кончили!

Оператор перестал вертеть ручку.

Петя накорябал на полях сценария еще одну пометку «снято», и группа стала готовиться к съемке крупных планов.

Подчиняясь указаниям Эдмунда Адамовича, Деревянко стал переустанавливать аппарат. Пирожков сделал Лёке замечание, чтобы она не трогала лицо руками, иначе грим придется поправлять. Шоферу Кеше, напротив, было разрешено разгримироваться, потому что сегодня в дальнейших съемках он не участвовал.

Часть зевак, разочарованная тем, как буднично и заурядно выглядел съемочный процесс, ушла с набережной, и их место заняли другие любопытные.

От скуки Володя заключил с Лавочкиным пари, снимет ли несгибаемый оператор жилет: комик уверял, что нет, Голлербах настаивал на обратном. Светляков послал Васю за нарзаном для режиссера, Эдмунда Адамовича и себя, и Харитонову пришлось подчиниться.

Когда он вернулся, крупный план руки Еремина-Эндрю с револьвером был уже снят, и готовились снимать крупный план Лёки-Мэри. Несмотря на протесты Васи, две бутылки у него тотчас отняли Володя и Федя, третьей завладел ассистент, и помрежу снова пришлось идти за нарзаном. Молодой человек был так возмущен, что даже не заметил, как кассир его обсчитал на целый гривенник.

«Вот тебе и съемки на юге, – размышлял Вася, нахохлившись, – думали: Ялта, отдохнем, какой там отдых, режиссер всех загонял, из двух серий сделал три... Ну это ясно, почему – чтобы денег ему кинофабрика больше заплатила... Наверху у него поддержка, вот он и...»

Додумать свою мысль Вася, впрочем, не успел, потому что едва не навернулся на коварной ялтинской улочке, которая крутизной могла поспорить с любыми американскими горками, и чуть не выронил бутылки с нарзаном. Остаток пути до набережной он проделал, внимательно глядя себе под ноги и изгнав из головы все посторонние размышления.

На съемочной площадке он сразу же увидел, что Лёка расстроена, и подошел к ней узнать, в чем дело. Оказалось, что режиссер был недоволен, потому что не мог добиться от нее на крупном плане нужного выражения.

– Попробовал бы он Нине Фердинандовне сказать, что у нее выражение не то... – начал Вася, чтобы подбодрить Лёку, но она только потерянно вскинула на него глаза и отвернулась.

Подошел Светляков, забрал бутылки нарзана и понес их режиссеру с оператором.

«И вот он получается молодец, – мелькнуло в голове у помрежа, – а я вроде как и ни при чем».

Видя, что Лёка не расположена с ним разговаривать, Вася увязался за ассистентом.

– Саша, что сейчас снимать будем? – спросил Харитонов у помощника оператора.

– Просто море, – ответил тот, пожимая плечами.

Нольде покосился на неистовствовавшее солнце, тяжело вздохнул и снял жилет. В нескольких шагах от него торжествовал Володя Голлербах, выигравший пари. Федя тем временем уморительно разыграл короткую сценку совершенного отчаяния, закатывая глаза, заламывая руки и закрывая ладонями лицо. (Спор был на бутылку крымского вина.)

– Саша, дощечку! – приказал Эдмунд Адамович.

Но дощечка куда-то запропастилась, и Дервянко отправился ее искать. Оператор поглядел на море, прищурился – и какое-то новое выражение появилось на его лице.

– Борис Иванович! – окликнул он режиссера.

– Да?

– Вы видите?

– Что?

Не отвечая, Эдмунд Адамович сделал несколько шагов вперед и вытянул руку, указывая направление. Недоумевающий режиссер подошел к нему и тоже стал смотреть на волны.

– Какой-то лоскут, – наконец проговорил Борис, но голос его звучал неуверенно.

- Нет, - твердо ответил оператор. - Это мертвое тело.

- Утопленник? - вырвалось у собеседника.

- Наверное, но ему там не место. Скажите милиции, пусть его вытащат, чтобы он не портил нам кадр.

Эдмунд Адамович Нольде был кинематографистом до мозга костей, и, когда он находился на работе, никто и ничто в его представлении не имело права мешать ей. Именно поэтому Борис Винтер не стал указывать оператору, насколько неуместна его фраза, а лишь подозвал помрежа и объяснил ему, что надо сделать.

Глава 2

Литературные бездны

Дайте мне чего-нибудь побольше и поядовитее...

Из фильма «Шахматная горячка», 1925 г.

- Татьяна Андреевна!

Тася обернулась.

К ней шел уполномоченный кинофабрики Кауфман, который сопровождал съемочную группу и, как и подобает уполномоченному, следил за расходами и скучной бумажной отчетностью.

При рождении Кауфмана нарекли Моисеем Соломоновичем, но с некоторых пор он стал зваться Матвеем Семеновичем.

Впрочем, та эпоха видела и не такие метаморфозы имен, отчеств и даже фамилий, так что на происшедшие с Кауфманом изменения мало кто обратил

внимание.

– Вы уже знаете? – спросил Кауфман, пытливо вглядываясь в лицо жены режиссера.

В светлых брюках, белых ботинках, толстовке[6 - Толстовка (в 20-е и 30-е годы) – тип носившейся на выпуск мужской однобортной рубашки, часто – с большими карманами на груди.], перепоясанной тонким пояском, и белой кепке Кауфман смотрелся настоящим советским франтом. Он был худ, черноволос, с продолговатым тщательно выбритым лицом и носил роговые очки, прибавлявшие ему добрый десяток лет к имевшимся тридцати двум.

В Ялту уполномоченный привез с собой попугая, которого обожал и которому периодически изливал душу, когда рядом никого больше не было.

Положение у Кауфмана было довольно сложное – ему пришлось сменить на съемках прежнего уполномоченного Зарецкого, который обычно занимался недорогими комедиями и привык к тому, что десять статистов всегда можно заменить пятью, а еще лучше – обойтись членами киногруппы, ничего не доплачивая им за пребывание в кадре.

К величайшему горю Зарецкого, Борис Винтер ставил свою фильму с эпическим размахом и не желал идти на компромиссы, а когда режиссер стал обсуждать затраты на съемку сцены с мчащимся паровозом, который сминает застрявшую на рельсах машину героини, Зарецкий почувствовал себя совсем уж неудобно.

– А может быть, вы перепишете сценарий? – спросил уполномоченный, с надеждой глядя на режиссера.

– Зачем? – удивился Винтер.

– Ну, – промямлил Зарецкий, – видите ли, Борис Иванович, я совершенно не понимаю... Зачем паровоз? Зачем машина? Она же страдает... лишние расходы... Нет, Борис Иванович, на это я согласиться не могу!

– Но ведь... – начал режиссер, посмотрел на лицо своего собеседника, и неоконченная фраза повисла в воздухе. – Черт возьми! – выпалил наконец

Винтер в сердцах, встал с места и вышел, не прощаясь.

Зарецкий с облегчением вздохнул и вытер лоб платком в крупную клетку.

Через два дня уполномоченный узнал, что его отзывают в Москву, а прибыв туда, обнаружил, что его с треском уволили. Поговаривали, что режиссер пожаловался одной из актрис, а именно Нине Фердинандовне, на возмутительную скупость Зарецкого.

А Нина Фердинандовна не только играла в фильме главную роль, но еще и была женой наркома Гриневского, друга Ленина и старого (вдвое старше любезной супруги) большевика.

Словом, Матвей Семенович имел все основания для беспокойства.

С одной стороны, руководство кинофабрики просило его проследить, чтобы Винтер снял все в срок и уложился в смету, с другой – режиссер был горазд на выдумки и некоторые сцены добавлял уже в процессе съемок, а это всегда означало увеличение расходов.

Новый уполномоченный поймал себя на том, что стал чаще разговаривать с попугаем, а общение с Винтером, напротив, постарался свести до минимума.

Впрочем, в Ялте было достаточно людей, с которыми Кауфман охотно общался – например, хорошеньких девушек, и будь его воля, он бы вообще обошелся без общества режиссера, который своим энтузиазмом и кипучей энергией действовал ему на нервы.

В жизни Матвей Семенович больше всего любил порядок и цифры.

Дважды два всегда равнялось четыре, пятью пять – двадцать пять, а Борис Винтер казался стихией, презирающей таблицу умножения, и потому не внушал уполномоченному никакого доверия.

Что же до жены Винтера, то Тася ничем не походила на своего супруга.

Она была хрупкая, узкоплечая и вся какая-то поблекшая. Тонкие бесцветные губы сжаты в ниточку, русые волосы не доходят до плеч, платье и то – какая-то линялая тряпочка.

Чувствовалось, что молодая женщина махнула на себя рукой и что заботы не то что поглотили ее, а съели вчистую.

Кауфман знал, что в Ялту жена режиссера приехала вместе с шестилетней дочерью Марусей, которая, кажется, не очень крепкого здоровья.

«А все-таки лучше ей взять себя в руки, – подумал уполномоченный, глядя на свою собеседницу. – Когда в группе такие дамочки, как наши актрисы, да и не только актрисы...»

Впрочем, додумывать он не стал – все и так было ясно без слов.

– Утопленник, – сказал Матвей Семенович, когда Тася спросила у него, что именно он хотел ей сообщить. – Всплыл, когда наши снимали на набережной. Ну само собой, неприятно. Вытащили его, потом явился начальник местного угрозыска – Парамонов, кажется, его зовут. Кто, говорит, такой, почему утонул. Мы-то тут при чем, откуда нам знать? А он снимать запретил – погодите, говорит, до выяснения обстоятельств. Кто-то утонул, а мы должны страдать. Опять вот из графика выбились...

– Я поговорю с Ниной Фердинандовной, – решила Тася. – Местные власти не имеют права чинить нам препятствий.

– Да, – с нажимом промолвил Кауфман. – Конечно, Татьяна Андреевна, поговорите. Поговорите! Им-то ничего, а у нас сметы, суточные, расходы...

«Он знает, – подумала Тася, скользнув взглядом по лицу собеседника. – Знает, что вовсе не Боря жаловался наркомше на Зарецкого. Это я пошла к ней и так настроила против уполномоченного Нину Фердинандовну, что его мало того, что отозвали, но еще и вышвырнули со службы. Боря для таких вещей слишком горд, а я... Что ж, если надо, я и не на такое пойду».

– Вы уже звонили ей? – спросила Тася.

Кауфман вздохнул.

– Попробовал. Но линия испортилась.

– Я сейчас заберу Марусю с процедур, – решила Тася. – А вы пришлите к гостинице машину с Кешей. Съезжу к Нине Фердинандовне, объясню ситуацию...

Матвей Семенович деликатно кашлянул.

– Она может быть не в настроении сейчас, – заметил он. – Помните, вчера, когда она приезжала в Ялту, какой-то хулиган со шрамом ее обругал...

Гриневская жила за городом, в особняке, который до сих пор упорно величали «Баронской дачей», потому что до революции он принадлежал барону Розену. Особняк тоже был задействован в фильме – он, так сказать, исполнял роль виллы одного из героев.

– Я все же поговорю с ней, – решительно объявила Тася, вздергивая свой остренький подбородок.

Когда минут через сорок Борис Винтер вернулся в гостиницу «Россия», где жило большинство членов съемочной группы, он узнал, что жена только что уехала вместе с дочерью за город, договариваться с Ниной Фердинандовной.

Итак, если миссия Таси увенчается успехом (а в этом Борис почему-то не сомневался), завтра же они смогут возобновить съемки. Ему бы радоваться, а он отчего-то не ощущал ничего, кроме вялого раздражения.

Жара и вдобавок стычка с Парамоновым, который отчего-то забрал себе в голову, что если труп найден во время съемок, то это неспроста, доконали режиссера.

Он распахнул окно, содрал пристежной воротничок и рухнул в кресло, которое издало протестующий скрежет.

Бориса нельзя было назвать толстяком, но он был крупный мужчина и, как всякий бывший боксер, состоял из сплошных мышц. Предками его являлись

англичане, перебравшиеся в Россию в позапрошлом веке, и некоторые уверяли, что в лице режиссера и впрямь проглядывает нечто британское. Обычно оно казалось замкнутым и, пожалуй, упрямым, но когда Борис немного расслаблялся, с ним происходила поразительная перемена: он превращался в самого обаятельного, самого сердечного человека на свете с великолепной открытой улыбкой. Друзья обожали его, а женщины...

В дверь кто-то коротко, но решительно постучал.

- Миша, заходи, открыто! - крикнул Борис, безошибочно опознав по стуку стоявшего в коридоре.

Дверь с легким скрипом отворилась. На пороге стоял остролицый блондин лет тридцати пяти с умными серыми глазами. Это был Михаил Мельников, сценарист и по совместительству - глава всех злодеев в фильме Винтера.

- Что это у тебя? - спросил Борис, разглядев в руке гостя бутылку.

- Вино из баронских подвалов, - ответил Михаил. - Из коллекции самого Розена.

- Пф! - фыркнул Винтер. - Тебя надули.

- Ты на этикетку посмотри. - Сценарист закрыл дверь, подошел к Борису и протянул ему бутылку.

Режиссер стал придирчиво изучать надписи, морща лоб.

- Где ты ее купил? - наконец спросил он.

- В старом городе, у одного грека.

- Точно подделка, - пробормотал Борис; но в его голосе уже не было прежней убежденности. - Откроем?

- Давай.

- А за что пьем? - спохватился режиссер, ища штопор.

- Да за что хочешь.

Хотя Винтер был сильным мужчиной, пробку удалось извлечь не без труда.

Из бутылки на находящихся в комнате пахнуло сложным ароматом, в котором словно спрессовались все весны и зимы, во время которых драгоценный напиток дремал в подвале, и Михаил аж зажмурился от удовольствия.

- А ты говоришь - подделка...

- Надо Эдмунда пригласить, - спохватился Борис.

- Не надо, - мотнул головой сценарист.

- Почему?

- Он с дамой.

- Опять?

- Всегда, - усмехнулся Михаил. Оператор был известным сердцеедом, но ни одна из пассий у него надолго не задерживалась. - Ты что ищешь?

- Бокалов нет, - сказал Винтер убитым голосом, перевернув всю находящуюся поблизости посуду и едва не разбив сифон.

- Да? Ну будем пить по-пролетарски, из стаканов...

Чокнулись и выпили по-пролетарски.

Дивное вино заструилось по языку, проследовало своим путем в желудок, и Борис невольно подумал - как хорошо, что Таси с ними нет, она бы непременно сказала что-нибудь неодобрительное, что напрочь бы испортило момент. И вообще, не так уж плохо, что сегодня съемки закончились пораньше...

– За нашу фильму, – предложил он запоздалый тост.

– За нашу фильму, – кивнул Михаил.

Они сидели друг против друга за круглым столом и чувствовали, как все заботы отступают и ленивое блаженство по капле просачивается в их души.

Из открытого окна веял ветерок, снаружи копошилась и гомонила набережная, но даже шум не нарушал счастливого покоя собеседников.

«А ведь ничего этого могло и не быть», – вдруг подумал Борис. Сколько труда от него потребовал этот проект, с какими муками все продвигалось...

Впрочем, все началось с рядового вопроса одного из руководителей кинофабрики:

– Товарищ Винтер, как насчет новой фильмы? Есть отличный материал для экранизации... Боевик! Либретто уже готово. Со сценарием проблем не будет... Приключения, заграница – мне кажется, это в вашем вкусе...

Невольно Винтер заинтересовался. Его предыдущий фильм был комедией о молодом крестьянине в большом городе, и хотя режиссеру удалось повернуть сценарий так, чтобы уйти от навязших в зубах штампов, он чувствовал, что сыт крестьянами по горло. Ему хотелось приключений, романтики, размаха. Хотелось героев, которые не будут ни крестьянами, ни рабочими, ни – если уж говорить начистоту – нэпманами.

Вскоре он заполучил для ознакомления либретто[7 - Так тогда называли подробный конспект будущего сценария.] и стал его читать. Но по мере того, как строка за строкой проходили перед его взором, недоумение Винтера росло и мало-помалу превращалось в оторопь.

Коротко говоря, никакого либретто не было и в помине, а был какой-то словесный фарш о героических заграничных рабочих, которые противостояли тайной капиталистической организации. Во главе ее стоял наводящий страх злодей по имени Тундер Тронк.

Вновь и вновь спотыкаясь об это имя, Винтер наконец вспомнил, что видел его раньше, и не раз, на обложках тоненьких книжечек, выходивших серийными выпусками.

Издательство словно нарочно сделало все, чтобы отпугнуть читателей чудовищными обложками, дрянной бумагой и слепым шрифтом, но его усилия не увенчались успехом. Автором книжечек значился некий иностранец Фрэнк Гризли, и хотя от одного этого имени за версту разило подделкой, публика расхватывала выпуски на ура.

Решив не полагаться на либретто, Борис отправил Тасю искать полный текст приключений Тундер Тронка, которые, как выяснилось, были недавно переизданы в одном томе. С большим трудом (весь тираж был уже раскуплен) жена раздобыла книгу, и режиссер засел за ее чтение.

Надо вам сказать, что киношники – люди закаленные и что удивить их непросто, однако автору, скрывавшемуся под псевдонимом Фрэнк Гризли, это удалось.

Текст был не просто плох – какая-то совершенно особенная, разухабистая бездарность глумливо тарасилась из каждой его строки.

Чувствовалось, что автор глубоко презирает своего читателя, что мир подвигов и романтики, о котором говорят лучшие приключенческие романы, бесконечно далек от Гризли, и что штампованные перипетии своих героев-манекенов он нагромождает чисто механически, гоня строку за строкой.

Если вначале Борис брался за книгу с некоторой надеждой, он закончил читать ее в полном отчаянии. Тут не было материала для экранизации; тут не было вообще ничего.

Для очистки совести он перечитал либретто, ища хоть чего-то, за что можно уцепиться, и возненавидел его еще больше, чем роман.

«К черту эту дрянь, к черту Тундер Тронка... Возьмусь за какую-нибудь комедию».

Но на кинофабрике его огорошили сообщением, что комедий нет и не предвидится, потому что все режиссеры наперегонки снимают героические фильмы к десятилетию революции. Ну вот есть еще Тундер Тронк, а больше ничего.

Дома Борис сорвался.

От ругательств бывшего боксера дрожали стекла в рамах.

Тася, с тоской глядя на перекошенное лицо мужа, прижимала худые руки к груди и умоляла его не кричать так, потому что он волнует Марусю, Маруся будет плакать...

Но режиссер уже вошел в раж и не воспринимал никаких доводов. Коллег по профессии он полил отборной бранью, и самое мягкое из всего, что он сказал, было:

- Приспособленцы!

- Понимаешь, - добавил он через несколько минут, взволнованно меряя комнату шагами и бурно жестикулируя, - если бы они сами верили в коммунизм, в революцию, если бы Ленин хоть минуту их интересовал... Черт возьми, я бы не сказал ни слова! Но я же знаю этих сволочей, Октябрь их волнует не больше, чем сентябрь или декабрь! Лицемерные рвачи! Живи они в Италии, при этом... как его... Мусорини...

- Муссолини, - робко подсказала Тася.

Сама она находила итальянского лидера весьма импозантным, но мужу предусмотрительно об этом не говорила.

- Да! Так вот, они бы все, голубчики, снимали фильмы о том, какой фашизм хороший, и превозносили бы его точно так же, как здесь превозносят революцию...

Он еще немного побушевал, выпуская пар, потом съел Тасин пирог с яблоками и попытался успокоиться.

– Может быть, тебе посоветоваться с кем-нибудь? – предложила жена. – С каким-нибудь хорошим сценаристом...

Но все знакомые сценаристы, как назло, сочиняли сценарии, прославляющие революцию. Шеренги большевиков с мужественными лицами шагали по страницам, изъясняясь сплошь лозунгами, которые в то время, когда кино еще безмолвствовало, выносились на экран в виде надписей.

– Купят это красное г... – позевывая, говорили сценаристы женам, – переедем в отдельную квартиру и заживем...

И жены кивали, и мечтали, как они обставят гостиную, и детскую, и спальню, и ревниво следили за тем, чтобы мужа не отлынивали от работы, а то, не дай бог, кинофабрика наймет другого сценариста, и плакал тогда вожаемый гонорар, а с ним и все мечты...

Глава 3

Герои и злодеи

Ученая пропаганда между актрисами – дело опасное; против нее надо принять неотложные меры.

Островский А. «Таланты и поклонники»

Окольными путями через друзей Борис все же вышел на Мельникова, который раньше сочинял сюжеты для короткометражек. Режиссер рассказал о проклятом Тундере Тронке, который не дает ему покоя, и неожиданно узнал, что все сценаристы, которые брались за этот проект, в итоге от него отказались.

– Говорили, что автор книги был вхож к актрисе, которая вышла замуж за наркома Гриневского, – доверительно сообщил Михаил. – Пообещал ей роль мачехи, расписал, какая это важная роль...

– Это мачеха Тундер Тронка, что ли? – проворчал Борис, припоминая. – У нее там всего несколько эпизодов, а потом он ее отравил...

– Ну да, и Нина Фердинандовна быстро сообразила, что участвовать в такой сомнительной фильме ей ни к чему... С тех пор все и застопорилось.

– А чем вообще занимается автор? – бухнул режиссер.

– Автор-то? – Михаил приподнял брови, и на его худом лице появилось чрезвычайно ироническое выражение. – Он писатель. Сочиняет сейчас книжку, прославляющую ГПУ...

– Да? Ну, ну... Интересно, откуда взялось такое дурацкое имя – Тундер Тронк?

– Барон Тундер-тен-Тронк – персонаж вольтеровского «Кандида»[8 - «Кандид» (1758) – повесть французского писателя Вольтера (1694–1778), одно из самых известных его произведений.]. Он был так богат, что жил в доме, в котором даже имелись окна и двери...

– И какое отношение это имеет к книжке Гризли?

– Никакого. Просто автор когда-то читал Вольтера, и имя застряло в памяти.

Борис прошелся по комнате, думая о чем-то своем. Сидя на стуле с пунцовой плюшевой обивкой, сценарист невозмутимо ждал.

Оглядывая жилище своего нового знакомого, режиссер везде натыкался взглядом на книги. Почему-то это возбуждало в нем доверие к Мельникову, и он решился говорить начистоту.

– Я думаю, – начал Борис, – мы должны сочинить свою историю.

Михаилу не очень понравилось слово «мы», потому что до сих пор он своего согласия на участие не давал и вообще считал, что экранизировать «Тундер Тронка» в принципе невозможно. Этот текст заслуживал только одного – кануть в необъятной братской могиле, которую великая русская литература уготовила всему бездарному, что пытается к ней примазаться.

– Я узнаю, какие актеры свободны, – продолжал Борис, оживляясь, – напишем сценарий под них. А Гриневская – красивая баба?

– Э... – осторожно протянул Мельников, – ну, в общем... Скорее да.

С его точки зрения, жена наркома походила на нэпманшу – этакая раскормленная надменная самка с совиными глазами. Но он еще не настолько хорошо знал Бориса, чтобы пускаться с ним в откровенности.

– Придумаем для нее роль, – заключил режиссер. – Откажется – возьмем другую актрису...

И он отправился на поиски актеров, которые не были бы заняты в красных эпопеях и могли через три-четыре месяца приступить к съемкам.

Первым, о ком подумал Борис, оказался Володя Голлербах. Они дружили много лет и работали бок о бок еще на самых первых советских лентах.

Впрочем, куда важнее дружбы было то обстоятельство, что Борис очень высоко ставил Голлербаха как актера и знал, что в любых обстоятельствах может на него положиться.

Сам Володя происходил из семьи обрусевших немцев; педантичный и по-немецки аккуратный в жизни, на экране он поражал взрывной кипучестью и мог изобразить кого угодно – хоть влюбленного недотепу, хоть расчетливого дельца, хоть мятущегося неврастеника.

– Тундер Тронк? – Володя вздохнул, на его интеллигентное лицо набежало облачко. – Боря, прости, но ведь это же халтура. Дрянь...

– Мы с Мельниковым напишем свой сценарий. Ничего общего с книжкой не будет...

– А как ты тогда объяснишь, что это экранизация?

Борис задумался, но решение пришло само собой.

– Вот что: я оставлю главного злодея, Тундер Тронка. А все остальное будет совершенно другим.

– Да? И кого я буду играть?

– Главного героя, который с ним борется. – И тут Борис решил зайти с козырей: – Я напишу роль специально для тебя.

И хотя Володя все еще глядел на собеседника с недоверием, режиссер почувствовал, что его друг начинает колебаться.

Голлербах был знаменитостью, но даже у популярных актеров мало возможностей для маневра: обычно они играют персонажей одного типа или вынуждены соглашаться на роли из текущего репертуара. Пообещав создать роль для Володи, Борис знал, что затронет самую чувствительную его струну.

– Когда ты собираешься снимать? – наконец спросил Володя, растирая лоб тонкими пальцами, которые операторы так любили показывать в кадре.

– Ну... К маю сценарий должен быть готов. Я хочу, чтобы в кадре было много солнца...

«Вряд ли ты успеешь к маю, – мелькнуло в голове у Володи. – Да и сценарий наверху не утвердят...»

Но вслух он сказал совсем другое:

– Вообще летом я хотел поехать отдохнуть куда-нибудь... Устал я, понимаешь? Работаю без передышки, студия – экспедиция – студия...

Борис подпрыгнул на месте.

– Отличная мысль! Напишу такой сценарий, чтобы его можно было снять на юге... в Ялте, например! Там же своя кинофабрика имеется, бывшая ханжонковская[9 - Ялтинская киностудия, созданная русским кинопромышленником А. А. Ханжонковым (1877–1945).], мы договоримся, они будут нам помогать со съемками... И поработать можно, и отдохнуть, когда не

твоя смена!

Заручившись согласием Володи, режиссер отправился искать кандидата на роль архизлодея Тундер Тронка и узнал, что все подходящие актеры уже на много месяцев вперед подписались изображать белых генералов и прочую контрреволюционную нечисть.

Борис скрипнул зубами и зашел в бюро кинофабрики, выяснить, кто все-таки будет свободен. Ответ его не устроил: из более-менее известных он мог рассчитывать только на комика Федю Лавочкина, который вследствие своего легкомысленного амплуа пролетал мимо революционных шедевров, и на Андрея Еремина – красивого, но деревянного актера, которого за глаза звали «Товарищ профиль».

– Все плохо, – сказал вечером жене расстроенный Борис. – Я с ними не сработаюсь.

– Почему? – спросила Тася.

– Да глупо, просто глупо! У Лавочкина ухватки провинциального комика... пытается изображать из себя то Чаплина[10 - Чарли Чаплин (1889–1977) – звезда кино, актер и режиссер.], то Китона[11 - Бастер Китон (1895–1966) – комик, звезда немого кино.], пыжится, но ведь убожество же! А Еремин вообще не актер...

– Он симпатичный, – сказала Тася, подумав. – А Лавочкина зрители любят. И никто из режиссеров на него не жаловался. Его просто нужно... Ну правильно направить.

Борис начал колебаться. Он ценил жену за трезвый ум и признавал, что в кино могут сгодиться и отличные актеры вроде Голлербаха, и такие, у кого за душой ничего нет, кроме профиля либо набора уморительных гримас, которые может изобразить любой школьник. Но ему-то хотелось работать с лучшими, с мастерами своего дела. Он отлично сознавал рискованность проекта, который затевал, и боялся, что любой недочет может все погубить.

– Володя и Лавочкин... Да нет, ничего не получится. И что мне делать с Ереминым?

– Женщины любят видеть на экране красивого мужчину, – сказала Тася, пожав плечами. – Придумай для него какую-нибудь роль, где ему не придется много играть...

Борис вспыхнул и заявил, что не будет придумывать ролей ни для Лавочкина, ни для Еремина, но на следующий день ему позвонил Мельников:

– Знаете, я тут встретил Володю, и он стал меня расспрашивать, кем будет его герой... А не сделать ли нам его репортером? Я имею в виду, репортеру легче перемещаться туда-сюда... что-то расследовать... Мне кажется, что без детективной интриги нам не обойтись. И потом, это хороший предлог для разных приключений...

Борис задумался.

В самом деле, Володя с его интеллигентным лицом отлично подходил на роль репортера. Только вот...

– Нет, – внезапно объявил Винтер, – он у нас будет маленький человек из газеты. Который работает с редакционной почтой... А по почте приходит таинственное письмо...

В голове завертелись обрывки будущих сцен: конверты слетают со стола... Комическая вставка: Володя выглядывает из-за высоченных штабелей писем на столе... А Лавочкин – предположим, невезучий фотограф... растяпа... Он увязался за героем Володи, чтобы узнать тайну письма...

А еще Тундер Тронк, которого будет играть неизвестно кто! И Гриневская – роковая красавица... Только так ее можно уговорить и хоть как-то обезопасить свой проект. А Еремин... гм... товарищ профиль... Нет, такого Тундер Тронка не примут, скажут – слишком уж привлекательное зло вы изображаете. Ну пусть тогда будет любовником Гриневской...

Однако Тася, узнав о планах мужа, решительно помотала головой.

– Ты что! Боря! Гриневский же старик... Конечно, он ревнив, как все старики! Ему не понравится, что жена изображает любовь с Ереминым... Сделай Андрея... Ну

не знаю... ее братом, что ли...

– На кой черт мне брат? – заверещал Борис, багровея.

Однако на всякий случай он отправился совещаться с Мельниковым, а потом поймал на студии Еремина и без всяких околичностей заявил ему:

– Я собираюсь экранизировать «Тундер Тронка». Как вы смотрите на то, чтобы сыграть американского миллионера?

От него не укрылось, что актер в первое мгновение изумился, но затем в его зеленоватых глазах замелькали иронические огоньки.

– Борис Иванович, я-то, конечно, всей душой, но... Разве вы не знаете, кто у нас играет американских миллионеров? Толстые комики, которым хорошо за сорок... Боюсь, я не смогу соответствовать... э... столь высоким требованиям.

«А он далеко не дурак», – одобрительно помыслил режиссер.

Сам он терпеть не мог глупцов и с трудом сдерживался в их присутствии.

– Скажите, вы знаете Гриневскую? – быстро спросил Борис.

– Нину Фердинандовну? Кто ж ее не знает...

– Как думаете – я просто так спрашиваю – если вы, например, будете играть ее брата, она не станет возражать?

– Я раньше с ней не сталкивался, – ответил актер с обычным равнодушием красивых людей, которые настолько привыкли, что все с ними носятся, что едва обращают внимание на остальных. – Вы хотите знать, не ссорился ли я с ней? Повода не было...

Борис задал актеру еще несколько вопросов, условился, что будет держать его в курсе дела, и отправился к Мельникову.

Вдвоем они набросали план либретто, внесли в него поправки и представили один экземпляр на кинофабрику, а со вторым режиссер отправился на встречу с женой наркома.

Из того, что его заставили ждать добрых сорок минут, он поневоле сделал вывод, что Нина Фердинандовна не слишком расположена к будущей фильме.

Другой человек на его месте, вероятно, упал бы духом, но Винтер почувствовал растущий азарт. Участие Гриневской могло сыграть в проекте решающую роль, и он был намерен во что бы то ни стало перетянуть ее на свою сторону.

В мечтах Борис видел хороший приключенческий фильм с тайнами, погонями и честными людьми, которые одерживают верх над сворой мерзавцев. Но на все это нужны были деньги, а между тем у него даже не было подходящего актера на роль главного злодея.

Наконец актриса в платье темно-лилового шелка показалась на пороге гостиной.

Нина Фердинандовна была ярко покрашена, и на ее шее висел жемчуг в три ряда, стоивший немалых денег. Темные короткие волосы были подвиты и уложены по последней моде. Взгляд холодных совиных глаз оценивающе скользнул по крупной фигуре посетителя, который ради такого случая надел свой лучший костюм.

Глаза оказались не единственным недостатком этой яркой и экзотичной женщины: поглядев на ее руки, Винтер увидел, что пальцы у жены наркома толстые, как сосиски.

Впрочем, на них сверкали такие внушительные кольца, что человек более чуткий к проявлениям богатства, чем режиссер, преисполнился бы отчаянной зависти и, пожалуй, даже решил бы, что Нина Фердинандовна вообще редкостная уродина, но ей несказанно повезло.

– Присаживайтесь, пожалуйста... Степан Сергеевич! – крикнула она, обращаясь к маячившему за дверью не то секретарю, не то охраннику. – Когда придет Роза, скажите ей, чтобы подождала меня... Это моя маникюрша, – пояснила она Борису, любезно улыбаясь. – Кажется, мы с вами встречались на премьере «Рожденного бурей»... Ах, это был не ваш фильм? Тем лучше: мне он не

понравился. – И она звонко рассмеялась.

«Ах, чертовка, – невольно подумал восхищенный режиссер. – Чертовка! Потрясающая шея, и грудь наверняка тоже... То, что надо для фильма. Стоп... она ведь еще не дала своего согласия...»

И он, подавшись вперед, с увлечением заговорил о своем проекте. Его глаза блестели, он чувствовал себя в своей стихии и видел, что Нина Фердинандовна, явившаяся с намерением поставить его на место, начинает смотреть на него с интересом.

Он обрисовал перед ней блестящие перспективы.

Съемки в Ялте, погони, приключения, роковая светская львица, зловещая организация, которая втягивает ее в свои козни и заставляет влиять на ее брата-миллионера...

– Да это настоящий боевик! – воскликнула Гриневская, не удержавшись. – Его даже в Европу можно будет продать...

Борис признался, что это его мечта, но пока – пока есть только либретто и желание сделать хороший приключенческий фильм.

Нина Фердинандовна стала расспрашивать его об актерах; он назвал Голлербаха, Еремина, Лавочкина. Ни одно из этих имен не вызвало у нее возражений.

Поняв, что его предложение всерьез ее заинтересовало, Борис решил рискнуть и признался, что хотел бы начать съемки в мае, в крайнем случае – в июне.

Это означало, что сценарий не только должен быть написан в ближайшие несколько недель, но и утвержден руководством кинофабрики, а также вышестоящими лицами.

– Хорошо, – сказала актриса, загадочно улыбаясь. – Я подумаю...

Борис оставил ей либретто и, откланявшись, удалился, а Гринеvская достала мундштук, в задумчивости выкурила папиросу, потом придвинула к себе телефонный аппарат и стала обзванивать знакомых, чтобы навести у них справки о Винтере.

Он произвел на нее хорошее впечатление, но жизнь научила Нину Фердинандовну никогда не доверять впечатлению, и тем более – первому.

Через пару часов она знала о своем госте столько, что при желании вполне могла бы написать о нем роман.

Бывший боксер, воевал на стороне красных, после революции работал в театре и оттуда попал в кино, курит трубку, женат, налево не ходит, единственная дочь больна чем-то вроде рахита; жена с виду никакая, но на самом деле все замечает и за своего Бореньку любого загрызет и порвет. Но тут вернулся домой нарком Гринеvский, и Нине Фердинандовне пришлось прервать свое увлекательное исследование.

Глава 4

Ялта

Все люди как люди, а они в Крым!.. Пьянствовать, наверно, едут.

Булгаков М. «Пьяный паровоз»

Если бы, к примеру, вам довелось встретить Гринеvского за границей, где он частенько бывал, вы бы решили, что перед вами хорошо сохранившийся пожилой помещик – или просто господин, мимо которого буря революции промчалась, не задев его и не потревожив его уклада.

В облике наркома не наблюдалось ровным счетом ничего большеvистского. Он был сед, благообразен, носил усы и небольшую бородку, прекрасно одевался и благоухал отличными духами.

С годами, когда его зрение заметно ослабло, он стал носить пенсне в золотой оправе, придававшее ему ученый вид.

Взгляд внимательный, но не сверлящий и ничуть не неприятный; хорошо поставленная речь образованного человека; одним словом – джентльмен старой закалки.

Он был другом Ленина и любил при случае вернуть: «Бывало, мы раньше с Ильичом...»

Люди злые (а таких всегда большинство) намекали, что, несмотря на дружбу с вождем революции и прочие достохвальные качества, нарком привлекателен не больше, чем полено, которое вот-вот отправят в печь. Но, очевидно, большая власть обладает своей собственной сексуальностью, которой людям, власти лишенным, не понять.

Еще при жизни Ильича нарком считался непререкаемым авторитетом во всем, что касалось искусства. Именно он решал, закрывать или нет Большой театр и что делать с усадьбой Льва Толстого.

Увы, Гриневскому не хватило чутья остановиться на достигнутом.

У него были литературные амбиции. Он видел себя, черт возьми, большим писателем, прославленным драматургом. Сцена манила его, и он стал сочинять пьесы – главным образом исторические и до ужаса передовые.

Тут-то вдруг и выяснилось, что критиковать искусство и пытаться создать хоть что-то путное в этом самом искусстве – две анафемски большие разницы.

Пьесы Гриневского были беспомощны, убоги, бездарны.

Критики – само собой, беспристрастные, как критики во все времена – превознесли их до небес и осыпали похвалами. Они объявили Гриневского новым Шекспиром и на всякий случай добавили, что он превзошел Расина, Мольера, Островского, Еврипида, Гоголя и Чехова.

Встречая где-нибудь наркома, они спешили засвидетельствовать ему свое почтение, уважение, восхищение и преклонение, но Нина Фердинандовна слишком хорошо знала людей и видела, что глаза льстецов смеялись. Они презирали его, а он, пронцательный, столько на своем веку повидавший человек, принимал их похвалы за чистую монету и не чувствовал подвоха.

Уверовав в свое значение, он свысока рассуждал о современных писателях, походя ругал Булгакова и вообще вел себя так, словно для него уже прочно было зарезервировано место в русской классике, где-то между Пушкиным и Достоевским.

Нина Фердинандовна распорядилась подать ужин, вполуха слушая мужа, который говорил о том же, о чем и всегда.

Он бурчал, что Горький невыносим, что «великий пролетарский писатель» ухитряется разом сидеть не на двух, а на трех стульях, и что вокруг него на Капри собирается отъявленная контрреволюционная сволочь.

Жаловался на нечуткость Кобы[12 - Прозвище И. В. Сталина.], который не походил на Ильича и вообще мало прислушивался к мнению Гриневского о современном театре.

Через несколько мгновений нарком переключился на подробности своего здоровья, коснулся какой-то статьи, которую за него писал незаменимый Степан Сергеевич (Гриневский, впрочем, говорил: «моя статья»), и заговорил о пьесе, которую собирался сочинить.

– А меня опять приглашали в кино, – вставила Нина Фердинандовна, воспользовавшись паузой в монологе мужа.

Обдумав все как следует, она решила не связываться с сомнительным проектом Винтера и как раз собиралась рассказать об этом Гриневскому.

Тот рассеянно кивнул.

– Действие пьесы происходит в деревне, я покажу столкновение старого уклада с новым, – продолжал он развивать важную для него мысль. – Коба прав:

литература должна быть ближе к массам. И для тебя тоже будет роль, сыграешь крестьянку.

Нина Фердинандовна не то чтобы похолодела, но застыла на месте.

Муж в который раз считал, что делает ей одолжение, сочиняя для нее роль, и поскольку раньше у него не выходило ничего путного, она не питала никаких иллюзий насчет того, что ей предстоит.

Конечно, рецензии будут хвалебные, и администратор позаботится, чтобы зал был всегда полон; но она же отлично знала, что будут говорить о ней за спиной, и уже сейчас словно слышала смешки и пересуды дорогих коллег.

И ладно бы речь шла о мало-мальски интересной роли, о какой-нибудь герцогине или даже королеве, которой в финале за сценой отрубают голову; но играть крестьянку – при одной мысли об этом Гриневскую начинало корезжить.

Для нее деревня была синонимом нищеты и безысходности, которых ей самой в жизни довелось хлебнуть с лихвой, и она ни секунды не желала вновь окунуться во все это.

Отказаться? Но под каким предлогом?

В том, что касалось его нетленок, нарком был болезненно обидчив и злопамятен, как все графоманы.

Однажды она уже попробовала уклониться от навязанной им роли, и ее невинная (как ей казалось) шутка по поводу его драматического таланта едва не обернулась разводом.

И тут в голову Гриневской пришла поистине судьбоносная мысль.

На следующий день Бориса Винтера вызвали на студию, и в кабинете директора он увидел загадочно улыбающуюся Нину Фердинандовну. На сей раз она была в простом синем костюмчике, который шила знаменитая московская портниха и который стоил годовую зарплату хорошего рабочего.

– Мне очень понравилось ваше либретто, – сказала Гриневская бархатным голосом. – Думаю, вы можете на меня рассчитывать.

Директор, с некоторым изумлением косясь на режиссера, от которого никак не ожидал такой прыти, скороговоркой заговорил о том, что сценаристы далеко ушли от первоисточника... а впрочем... хороший боевик им не помешает... и вообще...

– Но придется посоветоваться с товарищами, – веско заключил он.

Ознакомившись с текстом либретто, товарищи из Главреперткома высказали свои соображения, которые заключались в нижеследующем:

1) не задействована советская действительность (что было неудивительно, так как все события по сюжету происходили за границей);

2) не показаны забастовки и вообще состояние рабочего класса за рубежом;

3) нет мировой революции;

4) ни один из героев не внушает доверия, так как среди них нет ни рабочих, ни крестьян.

Борис сражался, как лев, но ему пришлось пойти на компромиссы. Он вписал забастовку и добавил рассказ героя Лавочкина о родителях-рабочих, который втайне рассчитывал вырезать при монтаже, но советскую действительность некуда было воткнуть, а начальство настаивало на том, чтобы ей было уделено значительное место.

– Тогда придется снимать две серии! – в запальчивости заявил Борис.

– Почему бы и нет? – задумчиво протянула Нина Фердинандовна, когда узнала об этом.

Съемка двух серий займет больше времени, а значит, у мужа не останется никаких шансов занять ее в своей никчемной пьесе.

Смирившись, Борис вместе с Мельниковым набросал либретто второй серии, действие которой частично происходило в Москве.

Тяжелее всего оказалось отбиться от мировой революции.

Борису указывали, что, например, в «Аэлите»[13 - «Аэлита» – фильм Якова Протазанова (1925), первая фантастическая лента советского кино.] режиссер ухитрился устроить революцию даже на Марсе, а уж революция на грешной земле для кинематографиста его уровня вообще пара пустяков.

Весь измотанный бесконечными прениями, Борис без сил приходил к сценаристу и валялся на кожаный диван, зажатый между двумя книжными шкафами.

Мельников называл этот диван ущельем.

Сообщники пили чай, который заваривала спокойная и рассудительная жена Михаила, придумывали, как им обойти требования идиотов с кинофабрики, и хохотали.

– Они мне все тычут «Аэлиту», – возмущался Борис, – но это же каша, черт знает что! Зачем там герой стреляет в жену? Для чего в сюжете агент МУРа? А комбриг с гармошкой, которого вывели полным идиотом? И при чем тут Марс и какая-то королева Аэлита, которую они приплели...

В итоге мировой революции удалось избежать, но линия героини Гриневской увеличилась настолько, что две серии превратились в три.

Заодно в сценарий пробрались посторонние персонажи, которых изначально там не было – например, девушка Мэри, подруга героя Голлербаха, в которую влюбляется герой Еремина.

В разгар работы над сценарием кинофабрика откомандировала Винтера в Ялту – выбирать места для будущих съемок и договариваться с местной студией о сотрудничестве.

В апреле режиссер прибыл на место; с ним приехал оператор Нольде, сценарист Мельников, художник Леонид Усольцев и еще несколько человек, включая

уполномоченного Зарецкого.

Борис, насупившись и заложив руки в карманы, ходил по набережной и думал, что здесь когда-то гуляла дама с собачкой и до сих пор неподалеку стоит дом, который построил для себя Чехов, но ровным счетом ничего чеховского в городе не ощущалось.

Здесь царил странный дух – отчасти провинциальный, отчасти больничный, потому что многие старые виллы были преобразованы в санатории для туберкулезников.

Афиши на тумбах анонсировали фильмы, которые в Москве не шли уже несколько лет.

На машине местной кинофабрики с шофером Кешей Борис, Михаил и Эдмунд Адамович объехали город и окрестности, намечая точки для съемок.

Как-то Борис заметил окруженный запущенным садом старый дом, большой и красивый, но с виду необитаемый.

Отчасти он напоминал итальянское палаццо, но отдельные элементы явно были вдохновлены модерном и готикой.

Кеша объяснил, что это бывшее имение барона Розена, что оно долго стояло заброшенное, но говорят, что скоро здесь будет очередной санаторий.

– А где сейчас прежние владельцы? – спросил Михаил.

Кеша пожал плечами.

– Старый барон бежал за границу и там умер, молодого убили в войну. Да какая разница?

Сторожа не хотели их пускать, но Борису все же удалось добиться разрешения осмотреть дом и сад.

Чем дальше, тем больше ему здесь нравилось.

Фонтан в саду давно не действовал, но его можно было починить. Из беседки-ротонды, расположенной на скале, открывался великолепный вид.

Сам дом, к сожалению, сохранился не в лучшем состоянии и требовал ремонта как снаружи, так и изнутри. Тем не менее Борис решил, что это было бы отличное место для съемок, если хоть как-то привести его в порядок, и поделился своими мыслями со спутниками.

- Надо будет Нину Фердинандовну подключить, - сказал сценарист.

На обратном пути они заехали на почтамт, и Борис отправил жене наркома телеграмму.

Вечером соавторы сидели в номере, дополняя сценарий и вписывая отдельные эпизоды согласно местам, в которых собирались снимать.

Дивный ялтинский воздух вливался в открытое окно, из которого было видно кусочек набережной и море, наискось рассеченное лунной дорожкой. Михаил предложил на сегодня окончить работу, и оба закурили трубки.

- Я думал, будет гораздо хуже, - признался сценарист.

Борис поглядел на него с недоумением.

- Ты о чем?

Поначалу они придерживались обращения на «вы», но, проработав какое-то время бок о бок, и сами не заметили, как перешли на «ты».

- Тут же совсем недавно шла война, - напомнил сценарист. - И дом, который тебе так понравился, обстреливали. Ты видел следы пуль на стенах?

- Видел.

- Говорят, там был штаб белых и в подвале расстреливали красноармейцев.

– А я слышал, что это все неправда. – Борис шевельнулся в кресле. – Как бы то ни было, война кончилась.

Мельников ничего не сказал.

– Все войны когда-нибудь кончаются, – добавил режиссер.

– Все когда-нибудь кончается, – со вздохом ответил Михаил.

– Правда, что тебя приглашают на кинофабрику в Киев? – спросил Борис, желая переменить тему.

– В Киев не поеду, – коротко ответил сценарист. – Меня там чуть не убили в чрезвычайке.

– Но ты же ни в чем не был виноват, – вырвалось у Винтера.

Михаил как-то странно покосился на него и, стиснув трубку, промолвил:

– Боря... Я за белых воевал.

Такого поворота собеседник никак не ждал и растерялся.

– Мне сейчас неприятно даже думать об этом, но ведь это было. – Мельников слабо усмехнулся. – Ты воевал за красных, я за белых... Вполне могли бы оказаться друг против друга. Вот сейчас мы сидим и разговариваем, а тогда... Тогда ведь я мог тебя убить.

– Миша, никто никого не убил, – пробормотал Борис.

– Но ведь я убивал. И ты убивал.

Режиссер резко мотнул головой.

– Нет, я никого не убил. Не смог. Знаешь, на войне я понял одну вещь... Я понял, что не могу убивать. Ни за идею, ни... ни за что-то еще. Командир кричал:

«Стреляй!», а я... – Он умолк, по его крупному, выразительному лицу пробежала судорога. – Я думал – вот я убью человека, а у него жена, дети, близкие... Может, он будет Моцарт, или Лев Толстой... или кто-то еще... И даже если не Моцарт, для кого-то он все равно самый лучший на свете... хоть для собаки, для кошки, для канарейки, черт возьми! Кто-то дома его ждет, а я его сотру с лица земли... Словом, я не смог убивать и с трудом перевелся в санитарный поезд. Там я посмотрелся такого... раненые, умирающие... А! – Он безнадежно махнул рукой. – Война – это ужасно. На свете нет ничего хуже войны.

Сценарист посмотрел на него внимательно и внезапно сказал:

– Боря... Я хочу с тобой выпить. Ты честный человек...

Смущенный режиссер запротестовал.

– Нет, ты человек, – упорно гнул свою линию Мельников. – В отличие от... разных прочих, на которых я посмотрелся в кино...

– Да ну тебя! – засмеялся Борис.

Больше они никогда не обсуждали прошлое Михаила и вообще старались не трогать тему Гражданской войны, но у каждого тем не менее осталось четкое ощущение, что он может рассчитывать на собеседника как на самого себя.

Через несколько дней в Ялту приехала Нина Фердинандовна, и режиссер повез ее осматривать приглянувшийся ему особняк.

– Вот, смотрите: если бы можно было подновить и выкрасить в белый хотя бы фасад... и немножко привести сад в порядок... Получится отличный дом, где живет ваша героиня с братом Эндрю. Говорят, тут будет санаторий, но когда еще он будет...

– А что внутри? – спросила Нина Фердинандовна.

– Голые стены... Похоже, что все растащили. У барона Розена когда-то была коллекция вин, ковры, украшения... Ничего не осталось. Но внутри, конечно, мы снимать не будем – интерьеры построим в киноателье...

И, заметив, что жена наркома слушает его вполне благосклонно, он стал сбивчиво говорить о том, что местная кинофабрика не располагает достаточными ресурсами, что автомобили у нее старые, что актерам придется обходиться своей одеждой, а между тем и Нина, и Еремин играют богачей...

– Не волнуйтесь, – объявила Гриневская, дотронувшись до его руки. – Я что-нибудь придумаю.

И придумала.

Всем актерам пошили отличные костюмы, из-за границы привезли шляпы, часы, запонки, обувь по последней моде.

Себя Нина Фердинандовна тоже не забыла: для каждой сцены она заготовила отдельный наряд. Морем в Ялту доставили несколько новых автомобилей, одним из которых был белый кабриолет «Изотта Фраскини». Он вогнал в ступор местных жителей, и Кеша не без труда добился чести сидеть за его рулем.

Но самое главное – Нина Фердинандовна нажала на все рычаги, чтобы Винтер мог спокойно снимать в полюбившемся ему доме.

Прежде всего здание признали неподходящим для санатория и оттяпали у Наркомата здравоохранения, а затем в кратчайшие сроки сделали внутри и снаружи ремонт.

Комнаты на первом этаже превратились в покои киношных миллионеров и злодея Тундер Тронка, а на втором поселилась со своей свитой Нина Фердинандовна, чтобы избежать городской суеты.

Не следует забывать, что вскоре должен был начаться туристический сезон.

Когда Борис увидел отремонтированное здание, которое выкрасили белой краской, и вокруг – сад, в котором навели порядок и высадили клумбы цветов, его кинематографическая душа затрепетала.

Это был дом, в котором чувствовалась жизнь, характер, гармония; дом, в который хочется стремиться, не чрезмерно вычурный, но в то же время и не

такой безликий, как большинство его собратьев.

Фонтан в саду нежно журчал, разбрасывая струи воды. Ветер колебал верхушки кипарисов. Желтоклювая чайка села на ограду, посмотрела на режиссера хитрым глазом и, прокричав что-то, улетела.

– Хорошо на пленке выйдет? – спросил он у Нольде.

Эдмунд Адамович внимательно посмотрел на дом, на фонтан, на кипарисы, на беседку-ротонду и утвердительно кивнул.

– Конечно, отдельные эпизоды будем снимать во дворце эмира бухарского и в Ласточкином гнезде, – добавил Борис, щурясь на бывшее имение барона Розена. – Вообще здесь, на юге, такие условия для работы! Жаль, что местную кинофабрику совсем не развивают...

К началу съемки киногруппа состояла частью из прибывших из Москвы, частью из кадров местной студии.

К первым относились Винтер, Мельников, Нольде, ассистент режиссера Петр Светляков, помреж Вася Харитонов, художник Леонид Усольцев и большая часть актеров.

Устав искать подходящего Тундер Тронка, режиссер предложил роль главного злодея Михаилу, и тот хоть и позволил себе отпустить по этому поводу пару иронических замечаний, все же согласился.

Небольшая роль Мэри, которая становится жертвой интриг злодеев, досталась Лёке – конечно, не без помощи Васи, который горячо ее рекомендовал.

Местная студия предоставила шоферов, которые возили киношников на место съемок, а также второстепенных членов съемочной группы – гримера Пирожкова, помощника оператора Деревянко, парикмахера Фрезе, реквизитора Щелкунова, фотографа Беяева и костюмеров.

Ялтинские, само собой, жили у себя, а москвичи заняли чуть ли не пол-этажа в знаменитой гостинице «Россия». Нина Гриневская и ее свита, как уже

упоминалось выше, жили на «Баронской даче».

И вроде бы все складывалось как нельзя удачней, погода позволяла снимать натурные сцены чуть ли не каждый день, жена наркома поддерживала все начинания Бориса и позволяла перекраивать сценарий как ему заблагорассудится, но что-то носилось в воздухе такое, что подспудно тревожило режиссера.

Прежде всего, южные красоты, а еще чудесное крымское вино самым плачевным образом повлияли на художника Усольцева. Он стал пить, пару раз устраивал дебоши, и в итоге можно было по пальцам сосчитать моменты, когда он оказывался трезвым и пригодным к работе.

Затем Зарецкий по привычке вообразил себя скупым рыцарем, хотя он распоряжался не своими деньгами, а финансами студии, и от уполномоченного пришлось избавиться.

26 июня произошло землетрясение, и хотя оно не вызвало особых разрушений, но порядком напугало всю группу.

Ну и неприятности помельче: Нину Фердинандовну, когда она ехала в открытой машине, оскорбил какой-то хулиган со шрамом, а сегодня во время съемок – не угодно ли – утопленник.

– И что он к нам привязался? – в сердцах спросил Борис, допивая волшебное вино из погребов барона Розена, сметенного революцией.

– Кто? – спросил Михаил.

– Да этот, как его... Парамонов, из угрозыска который. Ну купался какой-то гражданин и утонул. Мы-то тут при чем?

– Ты что, не заметил? – удивился сценарист. – Труп в одежде был. Кто же в одежде станет купаться? И врач сказал: голова разбита...

Борис промолчал.

– Иногда мне кажется, – внезапно признался он, – что у нас выходит хорошая фильма... А иногда я уже ни в чем не уверен. – Он шевельнулся. – Знаешь, я тут придумал отличный трюк... Но сложный. Смотри: если протянуть канат между домами, на высоте примерно четвертого этажа...

Он стал излагать сценаристу свои соображения.

Михаил оживился и начал предлагать варианты, каким образом трюк можно обыграть в сценарии. А в то же самое время в заведении, расположенном в нескольких сотнях метров от гостиницы, реквизитор Щелкунов, помощник оператора Дервянко и гример Пирожков как-то разом пришли к выводу, что с дегустацией местных вин сегодня, пожалуй, пора завязывать.

Первым с официантом расплатился Пирожков и, попрощавшись с товарищами, удалился слегка неуверенной походкой.

Щелкунов и Дервянко остались одни.

– Ну что, по домам? – вяло спросил Щелкунов, дожевывая свой ужин.

Оркестр наяривал фокстрот, несколько пар кружились в танце, и душа реквизитора беззвучно пела. Ему было хорошо, и он даже не скрывал этого.

– Не, – сказал Дервянко, насупившись, отчего его молодое щекастое лицо стало казаться важным и значительным. – Мне тут это... надо... Короче, я к Парамонову схожу.

Щелкунов так удивился, что даже перестал жевать.

– Тю! Зачем он тебе?

– Да я тут узнал одного, – нервно ответил Дервянко, потирая мочку уха. – В нашей группе. Только меня сомнение брало, понимаешь? А теперь я уверен. Он не тот, за кого себя выдает. Совсем не тот. И он тут явно неспроста...

– Ну ты даешь! – только и мог сказать Щелкунов. – Ладно, иди, если хочешь...

- И пойду! - решительно объявил Деревянко.

- Ну иди!

- Пойду! Эй, мужик... сколько с меня?

Он рассчитался с немолодым усатым официантом и удалился, возле выхода едва не врезавшись в столик.

- Не многовато ему? - спросил официант с сомнением, принимая деньги от Щелкунова.

- В самый раз, - хмыкнул реквизитор.

На свежем воздухе Деревянко почувствовал себя увереннее и неспешно зашагал вперед. Обдумав свое положение, он решил, что зря тянул столько времени. Давно уже надо было дать знать куда следует о том, что...

На узкой безлюдной улочке его нагнал Щелкунов.

- Проводить тебя до угрозыска? - спросил реквизитор.

- Зачем? - удивился Деревянко.

- Ну мало ли, - каким-то странным тоном ответил Тимофей и, неожиданно выхватив откуда-то острый нож, одним отточенным движением снизу вверх вогнал лезвие собеседнику под сердце.

Саша даже вскрикнуть не успел.

Свободной рукой Щелкунов придержал его и, видя, что взгляд Деревянко обесмыслился, извлек нож и отпустил помощника оператора. Тот ничком повалился на землю.

- Лежи и не кашляй, - напутствовал его Щелкунов, вытерев лезвие ножа об одежду убитого.

Затем реквизитор огляделся, убедился, что никто его не видел, спрятал нож, засунул руки в карманы и, насвистывая себе под нос, с независимым видом проследовал к выходу из переулка.

Глава 5

Постоялец

...И грезить, будто жизнь сама

Встает во всем шампанском блеске

В мурлыкающем нежно треске

Мигающего cinema!

Александр Блок

В тот день Варвара Дмитриевна Лукомская вернулась домой в ажитации.

В жизни Варвары Дмитриевны оставалось не так уж много радостей. Ей было чуть меньше шестидесяти, но выглядела она на все семьдесят пять. Она носила пенсне на черном шнурке, порицала современную моду (да, вы не ошиблись: именно она на набережной, наблюдая за съемками фильма, строго осудила платье Лёки) и ни за что на свете не согласилась бы остричь волосы, которые укладывала на затылке в пышный узел. Она была очень худа, и хотя гимназисткой не любила иностранные языки, ныне предпочитала изъясняться по-французски с людьми своего круга – точнее, с теми из них, кто еще оставался в Ялте.

До империалистической войны Лукомская была скромной супругой репортера газеты «Русская Ривьера», который слыл либералом и отчаянно ругал царя, а также местного градоначальника – генерала Думбадзе[14 - Иван Антонович Думбадзе (1851–1916) – русский генерал, градоначальник Ялты.].

Впрочем, о свирепом охранителе Думбадзе в те годы только ленивый не шутил, что он будто бы велел выслать из Ялты свою генеральскую шинель за то, что у нее была красная подкладка.

И вот пролетели годы, войны и революции, в марте восемнадцатого Лукомские обнаружили, что проживают на территории Советской Социалистической Республики Таврида, потом республика как-то стусеивалась, потому что явились союзные войска, но не так чтобы надолго, и опять красные, а за ними белые, и опять чепуха, кавардак и полное расстройство жизни...

– Осьмушка фунта[15 - Около 50 граммов.] хлеба на человека в день! – стонал Лукомский, заламывая руки и мечась по комнате. – Ах, как прав был покойный Думбадзе, когда... Помнишь, после того, как в его карету бросили бомбу и промахнулись, он велел облить керосином дом, откуда кидали бомбу, и сжечь его...

Он заскрежетал зубами, ероша свои редкие волосы.

– Мало! – кричал бывший либерал, возбуждаясь все больше и больше. – Мало сжигали, мало расстреливали... Вот и имеем теперь... то, что имеем!

Он погрозил кулаком окну и рухнул на диван в совершенном отчаянии.

Варвара Дмитриевна тихо плакала.

Но все проходит, прошло и это.

Исчез Лукомский, смылся на одном из врангелевских пароходов вместе со своей любовницей, бывшей подругой жены, бежала за границу дочь вместе с мужем – офицером штаба, умер от тифа сын-гимназист, а Варвара Дмитриевна осталась. Она была уверена, что вскоре тоже умрет, но не умерла. И ей пришлось одной налаживать жизнь, или, вернее, некое ее подобие.

Она подрабатывала тапером в рабочем клубе, сопровождая игрой на разбитом пианино немые фильмы, а летом, разгородив надвое остававшуюся у нее комнату – впрочем, довольно просторную, – сдавала закуток приезжим.

Правилом Варвары Дмитриевны было – только женщины или семейные пары, и никаких детей. Но у мироздания, похоже, были свои правила, главным из которых было во всем противоречить Варваре Дмитриевне и ни в чем не давать ей спуска.

Самые благопристойные женщины, едва переступив порог ее дома, тотчас пускались во все тяжкие и заводили шашни с местными альфонсами, а семейные пары, которых Лукомская пускала к себе, неизменно оказывались скандалистами, неплательщиками или просто жуликами.

После того как к ней из-за очередных постояльцев нагрянул глава местного угрозыска, Варвару Дмитриевну долго трясло.

– Что, мать? – весело кричал Парамонов, если встречал ее после этого инцидента где-нибудь на улице. – Опять жулье к себе пустила? Контрреволюцию мутишь? Ну-ну!

Варвара Дмитриевна жалась, лепетала:

– Ах, ну что вы, гражданин... – чем страшно забавляла краснолицего, экспансивного собеседника.

Он был уверен, что его слова – всего лишь хорошая шутка, а Лукомская после таких разговоров долго не могла сомкнуть глаз.

И тут в разгар сезона возле ее дома объявился совершенно неподходящий гражданин.

Во-первых, он был непозволительно молод – ему, вероятно, не сравнялось и двадцати. Во-вторых, у его виска красовался чудовищных размеров рубец, придававший своему обладателю вид, прямо скажем, наводящий на размышления.

– Вы сдаете угол? – лаконично спросил гражданин у Варвары Дмитриевны, даже не удосужившись поздороваться.

– Дело в том, что я... – залепетала она, конфузясь.

Она не умела отказывать, а молодой человек без вещей не внушал ничего, кроме подозрений.

Кот просочился мимо нее на улицу, поглядел на вновь прибывшего, покрутился вокруг него и неожиданно с хриплым «мяу» потерялся о его ноги.

Варвара Дмитриевна оторопела.

Кот Пиль (названный так в честь звезды Гарри Пилля[16 - Гарри Пиль (1892-1963) - немецкий актер, звезда боевиков.]) терпеть не мог посторонних и был причиной бесконечных перепалок Лукомской с ее постояльцами.

В глубине души она подозревала, что ее своенравный трехцветный кот вообще ненавидит людей; впрочем, точно такая же черта наблюдается у некоторых представителей человеческого рода, хотя они даже близко не могут похвастаться кошачьей грациозностью, красотой и умением мурлыкать.

- Хороший кот, - рассеянно сказал незнакомец и, нагнувшись, потрепал его по голове.

Обычно Пиль терпеть не мог, если его гладили без спросу, и счастлив бывал тот, кто после контакта с его когтями отделялся лишь парой царапин. Однако сейчас кот приветственно выгнул спину и вновь хрипло мяукнул.

- А... Э... - пробормотала Варвара Дмитриевна, глядя на незнакомца во все глаза. - Я думаю... в сущности... - И она решила: - Заходите, пожалуйста.

Как выяснилось из дальнейших расспросов, в истории незнакомца не было ничего из ряда вон выходящего. В Москве он сопровождал на вокзал товарища, который ехал в Крым лечиться от чахотки. Товарищу стало нехорошо, и незнакомец сел в поезд, чтобы лично сопроводить его до места назначения. Именно поэтому у незнакомца не было с собой вещей. Врач Стабровский сказал, что у Варвары Дмитриевны, может быть, найдется свободный угол, ну и...

- Ах, что ж вы сразу не сказали, что вы от Андрея Витольдовича? - воскликнула Лукомская, всплеснув руками. - Я бы сразу же вас пустила... Только, - она замялась, - как же быть с вещами? Вы, наверное, на пляж будете ходить... и

вообще...

- Да мне много не надо, - пожал плечами собеседник, - я, знаете ли, к вещам равнодушен...

Как выяснилось, звали его Иван Опалин - Иван Григорьевич, как он объяснил, и с подозрением покосился на Лукомскую, не улыбается ли она. Но ей, наоборот, понравилось, что ее новый постоялец такой не по годам серьезный.

- Вы студент? - спросила она.

- Нет. Я агент.

- Страховой? И много кого застраховали?

- Пока никого, - проворчал Опалин, насупившись, и взял на руки Пиля, который уже несколько минут бродил вокруг него.

«Конечно, он будет водить девушек, - думала Варвара Дмитриевна, вздыхая. - Патефон заводит, шуметь... Эх, молодость, молодость!»

Но Опалин не шумел, не проявлял интереса к патефону, девушек не водил и вообще вел себя - Варвара Дмитриевна с удовольствием вспомнила старое, почти позабытое слово - на редкость благовоспитанно. Он навещал в санатории своего друга, лазал по окрестным горам и за неделю с небольшим загорел до черноты.

К тому, что в городе сейчас снимают фильму, он отнесся с полным безразличием, но из вежливости слушал рассказы хозяйки, которая часто ходила поглядеть на съемки в компании своей знакомой, бывшей директрисы гимназии для девочек, где когда-то училась дочь Лукомских.

В день, когда съемкам на набережной помешал утопленник, Варвара Дмитриевна пришла домой вся взволнованная.

Опалин лежал на кровати, Пиль примостился у него на груди, и молодой человек рассеянно гладил кота.

– Ах, вы не представляете, Иван Григорьевич, что сегодня было! – воскликнула Лукомская.

И она рассказала постояльцу, что в разгар съемок из воды вытащили мертвого человека, причем Варвара Дмитриевна стояла в толпе так близко, что отчетливо расслышала, как Парамонов сказал кому-то из своих сотрудников: «Это убийство».

– Но самое ужасное даже не это. Понимаете, я ведь его узнала!

– Кого? – равнодушно спросил Опалин.

– Мертвеца! – отчаянно вскрикнула Варвара Дмитриевна, подавшись вперед. – Я сначала решила, что обозналась... Ведь я много лет его не видела! Семь или восемь, если быть точной...

Пиль тоскливо мяукнул, соскользнул на пол и забился под кровать.

Опалин сел и пригладил волосы.

– Это кто-то из ваших знакомых? – спросил он с интересом.

– Да! Его звали Максим Ильич Броверман... Он был архитектором, иногда писал статьи для газеты, в которой работал мой муж...

– Ну так что ж вы мне все это говорите? – пожал плечами молодой человек. – Вы лучше расскажите в угрозыске, что вам известно. Мол, так и так, тело принадлежит гражданину Броверману, Максиму Ильичу... Когда он появился на свет?

– Откуда мне знать?

– Ну лет ему сколько? Хотя бы приблизительно.

– Он был лет на пять старше меня, – подумав, объявила Варвара Дмитриевна.

– А вам?..

– Пятьдесят восемь.

– Ну, значит, гражданин Броверман примерно... – Опалин наморщил лоб, высчитывая в уме, – одна тысяча восьмисот шестьдесят четвертого года рождения... Проживал он где?

– Я не знаю. Может быть, в Гурзуфе. Или в Ялте? Ах, я ничего не знаю! – воскликнула Варвара Дмитриевна в тоске. – За что его убили, за что?

– Это как раз угрозыск и должен установить, – заметил молодой человек хладнокровно. – Вы сходите к ним и...

Вспомнив о Парамонове и его добродушной красной роже, Варвара Дмитриевна затрепетала.

– Ни за что! – объявила она тоном приговоренной королевы, надменно выпрямившись.

– Но если вы что-то знаете, вы должны помочь расследованию, – втолковывал ей постоялец. – Соккрытие важных сведений...

– Ах, нет! – вскрикнула Варвара Дмитриевна и даже руки подняла, словно собираясь зажать уши. – Вы, Иван Григорьевич, просто не понимаете, что за человек этот Николай Михайлович Парамонов...

– Плохой? – спросил Опалин с любопытством.

Однако даже сейчас полученное воспитание не позволяло Варваре Дмитриевне взять и однозначно ответить на этот вопрос.

– Ну что я могу сказать... Как же мне объяснить вам? Вы приезжаете, вы ведь не так смотрите на Ялту, как я... как все мы... Для вас здесь все – горы, цветущие глицинии, абрикосовые деревья, море, солнце... А Николай Михайлович... он здесь достаточно давно, чтобы мы успели его узнать... Дом у титулярного советника... то есть бывшего советника отобрал, чтобы семью свою поселить

получше... Жена Парамонова ковры любит, так он заставил ей за бесценок ковры барона продать... Впрочем, это, может быть, и справедливо, потому что ковры-то с «Баронской дачи» местные жители утащили... Я вам рассказывала, что жена наркома, Гриневская которая, актриса... Она велела, чтобы дачу к съемкам восстановили, как было? И не только снаружи, но и внутри... Ох и пришлось же попотеть Парамонову! – Варвара Дмитриевна рассмеялась. – Бегал по городу, всем угрожал... Тут же в Ялте все отлично знают, кто чем успел поживиться, когда Розены бежали... И представляете, большую часть мебели и вещей он действительно заставил вернуть. Только вот ковры ему самому тоже отдать пришлось, правда, не все...

Варвара Дмитриевна умолкла.

– А дача это – нехорошее место, – добавила она почему-то шепотом. – Дача – потому что старый барон был гордецом... так-то это целый дворец... Но он говорил, что это его дача, чтобы уесть других. Вы, наверное, ее видели, она на возвышенности расположена. В войну там поставили эти... как их... пулеметы... и никто не мог к ней подойти. Барон Розен пытался протестовать, но... В кои-то веки ему пришлось смириться и отступить... Жена его как раз в те дни умерла. Старший сын погиб на фронте еще в четырнадцатом году... или пятнадцатом? Не помню... А младший – позже... Рядом с дачей шли бои... а еще на дачу будто бы привозили пленных и расстреливали... А еще говорят, что барон где-то закопал свои сокровища, и они до сих пор там лежат. Он ведь был очень богат...

– Закапывать-то зачем? – удивился Опалин. – Сокровища надо при себе держать...

– Да, вы правы, это все, конечно, легенды, – легко согласилась Варвара Дмитриевна, увлеченная потоком своих воспоминаний. – Но у баронессы Розен действительно были исключительные драгоценности... Как сейчас помню... в девятьсот третьем, кажется, году, на благотворительном балу она затмила всех, ну просто всех... Или это было на Рождество? Неважно... Вижу ее как сейчас: платье цвета шампанского, вот тут и тут, – она показала на себе, – складки... шлейф, как у княгини... А на шее – украшение... Барон заказал его в Париже у Жоржа Фуке... [17 - Жорж Фуке – французский ювелир. Созданные им украшения отличаются яркой индивидуальностью и принадлежат к стилю ар нуво (модерн).] знаменитого ювелира... Подарок, так сказать, за рождение второго сына, Александра... Вообразите: бриллианты, которые сверкают так, что глазам больно... и посередине – подвеска, совершенно изумительная по работе... Она

изображала гору и водопад... дивная, дивная вещь! Ее называли... как же ее называли? Да, точно: «Алмазная гора»... Она была сделала из разных камней, жемчуга и опалов, и так искусно, что просто не устанешь любоваться... Но все-таки барон жену не любил, – прибавила Варвара Дмитриевна совсем другим тоном, качая головой. – В молодости он хотел жениться на другой, но она была из обедневших дворян, и семья ему не позволила... Жена безумно его ревновала, но ходили слухи, что он все равно находил способ встречаться со своей любовницей... Будто бы даже для него построили подземный ход под дачей, чтобы он мог скрываться незаметно. Воображаю, каково приходилось бедной баронессе! Она так хотела избавиться от соперницы, что даже устроила ей брак с каким-то мелким чиновником, а потом добилась, чтобы ему дали место в другой губернии. Только вот он уехал на новое место службы, а жена осталась в Ялте – под тем предлогом, что ей надо заботиться о старых родителях. И она по-прежнему встречалась с бароном Розеном, а он, чтобы утихомирить супругу, покупал ей украшения одно краше другого. Так у нее образовалась довольно внушительная коллекция, хотя уверяют, что ревновать она все равно не перестала...

– А что стало с бароном? – спросил Опалин. – Сыновья его погибли, ну а он сам?

– Бежал, конечно... С дочерью... как же ее звали? – Варвара Дмитриевна наморщила лоб. – Не помню... Сколько же я стала забывать! А ведь я видела ее еще маленькой девочкой...

Несколько мгновений Иван молча глядел на свою собеседницу.

У него было такое ощущение, словно он только что прослушал изложение романа, который не имел к действительности никакого отношения.

Какой-то барон, любовная история, страдания богачей, украшение исключительной ценности...

Если так любил, почему женился на другой? К чему деньги, и власть, и влияние, если ты даже собой распоряжаться не можешь?

Южное солнце нахально ломилось в окна, и кот сверкал глазами из-под кровати. Вот это было реальностью, а то какой-то барон с немецкой фамилией, который любил одну, а женился на другой... «Алмазная гора»...

– А что стало с любовницей барона? – из чистой вежливости спросил Опалин.

– Умерла, – с готовностью ответила Варвара Дмитриевна. – Вскоре после его жены. Кажется, они даже похоронены рядом...

Пиль вылез из-под кровати, потянулся, нахально развалился на полу и стал чесать задней лапой под подбородком.

– Ох, я же совсем забыла! – воскликнула Варвара Дмитриевна, всплеснув руками. – Вы же, наверное, хотите есть...

И хотя Опалин пытался убедить ее, что он вполне может пойти в столовую «Товарищ» и пообедать там за шестьдесят копеек, хозяйка ничего не желала слушать и заторопилась на кухню.

Глава 6

Ночные грезы и утренние кошмары

Жизнь проходит мимо окон,

Словно фильмы синема...

Брюсов В. «Синема моего окна»

Лёка проснулась посреди ночи.

Не было ни кошмара, ни сердцебиения, ничего такого – однако она пробудилась и как-то сразу же поняла, что не заснет.

В окно смотрели звезды, где-то в отдалении гудело и перекачивалось море, на соседней подушке спал Вася, и лицо его в сумерках казалось совсем детским. Раньше эта картина растрогала бы Лёку, но сейчас она ощутила лишь что-то вроде смутного раздражения и отвернулась к стене, чтобы не видеть своего

любовника.

Она не мечтала о том, чтобы стать актрисой, умеренно увлекалась звездами экрана и в кино попала, если говорить начистоту, только благодаря Васе. Он работал на кинофабрике и хотел, чтобы они как можно больше времени проводили вместе.

До встречи с ним Лёка для виду училась на стенографистку, а на самом деле тихо изнывала от тоски.

Стенография была ей неинтересна, но что поделать, в жизни – как говорила умудренная опытом маман – надо иметь свой кусок хлеба.

Лёка всегда подозревала, что кусок хлеба, к которому больше ничего не прилагается, – мечта так себе, но подчинилась. Она вообще не любила спорить и в сложных ситуациях предпочитала отступить, оставив свое мнение при себе.

Вокруг гремели лозунги эпохи, газеты ослепляли гигантскими заголовками, но все это скользило по поверхности души девушки, никак на нее не влияя.

Собственные стремления Лёки были на редкость старомодными. Она мечтала жить в своей квартире с мужем и двумя детьми, мальчиком и девочкой, а еще лучше тремя, и чтобы после домработницы не надо было пересчитывать количество ложек.

Лёка никогда в этом никому не признавалась, но она ненавидела коммуналку, в которой была вынуждена ютиться с матерью, отчимом, бабушкой и двумя сестрами, а сочные рассказы бабушки о нищей жизни в деревне четверть века назад и вовсе приводили девушку в оторопь.

Вася возник в ее жизни случайно, как знакомый знакомого подруги по курсам стенографии. Он был славный, яркий блондин с открытым лицом и веснушками на вздернутом носу и поначалу скрывал, что работает на кинофабрике.

– Иначе мне прохода давать не будут...

Лёка искренне удивилась, но виду не подала.

По правде говоря, Вася не казался ей каким-то особенным – с работой или без нее, однако девушке было приятно находиться в его обществе. Он считал стенографию чепухой, и Лёка совершенно искренне с ним соглашалась.

Несколько раз он пристраивал ее в статистики на съемках, а затем как-то само собой вышло, что она получила маленькую роль, и режиссер, отсмотрев материал, заметил, что эта хрупкая сероглазая брюнетка с изящной шеей хорошо выходит на экране.

– Тебе бы поучиться актерскому мастерству, – авторитетно заявил Вася Лёке. – Хорошее же дело. В крайнем случае устроишься в какой-нибудь театр рабочей молодежи...

И Лёка пошла учиться.

Не то чтобы ее привлекала мысль стать актрисой – просто это было в любом случае интереснее, чем запоминать крючки, обозначающие разные буквы и слова.

– Возгордишься, небось? – скептически хмыкнула бабушка, узнав о планах внучки. – Ты бы лучше в загсе с ним повенчалась, с Васькой-то твоим. Не ровен час, уведут.

Та эпоха была щедра и на более причудливые выражения, чем «венчаться в загсе», и вовсе не форма, в которую бабушка облекла свои мысли, задела девушку. Она и сама считала, что раз у них с Васей все по-настоящему, надо расписываться. Но Харитонов, едва уловил намек на узаконение отношений, как-то суксился и стал бубнить, что формальности – вздор, что брак вообще буржуазный предрассудок и что окружающих не касается его личная жизнь, равно как и жизнь Лёки.

...Тогда, конечно, она согласилась, чтобы не спорить, но про себя все-таки немножко обиделась.

К тому же несовершенство тогдашних методов контрацепции оставляло достаточно простора для женских страхов. Лёка боялась, что забеременеет, боялась, что придется делать аборт, боялась, что Вася ее бросит, если что-то случится, а он был беспечен, шел на поводу своих желаний и не замечал – или

делал вид, что не замечает – ее тревог.

Он щедро делился с ней сплетнями о том, что творится на кинофабрике, и она вполуха слушала его восторженные вопли, что какой-то Винтер замутил грандиозную фильму и добился безусловной поддержки от какой-то актриски, которая ухитрилась женить на себе старого и глупого наркома Гриневского.

– Мы будем снимать в Ялте! Три, нет, кажется, даже четыре месяца... Надо будет выбить для тебя какую-нибудь роль! Поедем вместе, отдохнем...

Он суетился, таскал с собой Лёку на кинопробы и встречи с Винтером, и в какой-то момент казалось, что все сорвалось, потому что на роль решили взять Инну Белькевич, хорошенькую, кудрявую и томную.

Инна была куда более опытной актрисой – семь ролей, восьмая в фильме, который готовился к выходу. Но тут вдруг что-то забуксовало, и в последний момент все-таки утвердили Лёку.

– Это все Тася, жена Винтера, – объяснил Харитонов. – Инна только что с очередным хахалем рассталась, и Тася боится, что она переключится на ее мужа. А Борис сейчас идет в гору, в такой ситуации мужья меняют жен, как перчатки...

Борис Винтер вовсе не производил на Лёку впечатления человека, который способен менять жен, как перчатки, но девушка, как всегда, промолчала.

В конце концов, главное то, что у нее будет небольшая, но важная роль в фильме, о которой уже сейчас все говорят. Конечно, придется много работать – Лёка уже поняла, что съемки кажутся легкими только тому, кто ни разу не имел с ними дела. А в свободное время она будет отдыхать, купаться и вообще наслаждаться жизнью.

Но никакого наслаждения жизнью не получилось, потому что в вагоне она столкнулась с Андреем Ереминым, который ехал на съемки этим же поездом, и сердце у нее екнуло – или подпрыгнуло в груди – или сотворило какой-то странный кульбит, подробности которого так охотно описывают мастера любовных романов.

Коротко говоря, Лёка увидела актера – и пропала.

– Напомните, пожалуйста, я буду кидать вас в воду или просто застрелю? – поинтересовался Андрей с невинным видом.

У него были темно-русые волосы, правильные черты лица, высокий лоб и зеленоватые глаза, которые в тени казались особенно яркими.

Если присмотреться, то можно было заметить, что они довольно близко посажены, и актер, зная это, предпочитал, чтобы его снимали не в фас, а в других ракурсах. Особенно хорошо он получался в профиль, за что и получил от коллег довольно обидную кличку.

Лёка залепетала, что она не помнит... кажется, ее героиню застрелят... а может быть, и нет... Она чувствовала себя ужасно, ей казалось, что она глупо выглядит и несет вздор. Она не сомневалась, что произвела на Еремина самое невыгодное впечатление, и готова была расплакаться.

– Можно подумать, вы не знаете Бориса Ивановича, – заметил подошедший Вася, – он до последнего будет все переделывать и придумывать на площадке новые эпизоды...

И начался неизбежный киношный разговор с перемыванием косточек всем отсутствующим, лестью в глаза присутствующим и прочими сопутствующими прелестями.

У себя в купе Лёка как следует все обдумала и решила, что она ничуть не влюблена в Еремина, что ей показалось, что на самом деле она любит Васю, тем более что совсем недавно он намекал на то, что после окончания съемок можно будет и расписаться.

Но стоило ей снова увидеть Андрея, его зеленоватые спокойные глаза, в которых, однако, трепетало что-то этакое, и она не находила себе места.

Все осложнялось тем, что у Еремина была невеста, которая ехала вместе с ним на съемки. Ее звали Нюра Звонарева, она была сдобная, круглолицая, укладывала косы вокруг головы и то и дело со счастливым видом висла на

рукаве своего жениха.

Лёка ненавидела ее до того, что темнело в глазах.

Хотя Нюра происходила из семьи фотографа, она смахивала на неотесанную крестьянку – и голос, и смех, и манеры у нее были соответствующие.

Возможно, что она пошла в мамашу, величавую Пелагею Ферапонтовну, которая тоже сопровождала киногруппу на юг. Та была здоровая, плечистая, широколицая и производила впечатление хваткой бабы, которой палец в рот не кладут. И глазки-буравчики, которые любого видят насквозь.

– А дочка-то у режиссера хворенькая, ить! Как бы не померла...

Лёка жалела бледную, тоненькую, апатичную Марусю, и от слов Ферапонтовны ей становилось тошно.

«И как он может связывать себя с этими... с этими людьми?» – с отвращением думала девушка, косясь на невозмутимый профиль Андрея.

Ее мучило, что она не умеет бороться, не умеет отстаивать свое, а только и может, что плыть по течению. Сколько вокруг твердили, что женщина должна быть самостоятельной и брать на себя ответственность, а у нее не хватало духу объясниться в любви человеку, который ей нравился.

«И потом, что это изменит? – думала она, страдальчески морщась. – Ему будет неловко, мне будет неловко... У него своя жизнь, невеста, у меня... у меня Вася... Андрей старше, ему двадцать семь, он известный актер... Конечно, он привык, что за ним бегают глупые девочки... Нет, не надо ничего ему говорить. Все равно ничего не выйдет, кроме унижения...»

И вот однажды июльской ночью она проснулась с ощущением, что что-то надо делать, что ей нужен Андрей, а все остальное – Вася, съемки, роль в фильме, полученная с таким трудом – в сущности, пустяк. Да, пустяк...

«Если бы Нюра куда-нибудь исчезла... Если бы ее не было... Если бы она сломала себе шею или... не знаю... утонула, как вчерашний бедолага... В воде ведь

случается немало несчастных случаев, главное, чтобы никто ничего не заметил. С каким удовольствием я бы утопила эту наглуго толстозадую гадину... Только бы быть уверенной, что мне ничего за это не будет... – Она вздохнула и, приподняв тоненькую руку, стала водить пальцем по стене. – А Вася... ну что... С Васей я объяснюсь...»

Счастливый Вася, не подозревавший, что невесту Еремина собирались утопить, а его просто выкинуть за ненадобностью, как рваный чулок, повернулся во сне, что-то забормотал и перекинул руку, которая легла на Лёку.

Девушка осторожно отодвинулась, чтобы рука Харитоновы сползла на кровать и не касалась ее.

«Можно ли избавиться от человека так, чтобы никто ничего не заподозрил? Наверное, можно... Если вокруг никто не знает, как ты его ненавидишь... Если терпеливо ждать своего часа...»

И тут ей пришла в голову другая мысль.

«Но ведь Андрей... Он же расстроится, если Нюры не станет...»

Она окончательно упала духом. Раз Андрей любит свою невесту, он возненавидит любого, кто причинит ей зло. Значит...

«И опять я прихожу к выводу, что надо ничего не делать, что пусть все идет своим чередом... – В ярости она повернулась и ударила по подушке кулаком. – Тряпка! Ничтожество! Ничего-то ты не можешь, ничего...»

На глазах у нее выступили злые слезы. Она беззвучно заплакала в подушку, чтобы не разбудить Васю.

«Что за жизнь... боже, что за жизнь! Сценарий... в кои-то веки не про революцию... хороший режиссер... Роль у меня... И опять мне плохо... никакой радости... никакой...»

Она завозилась, кое-как накрылась тощим одеялом и, едва свыкшись с мыслью, какая она никчемная, несчастная и вдобавок плохая актриса, внезапно заснула.

Когда она проснулась, стоящий на столе будильник, который Вася захватил с собой в Ялту, показывал одиннадцатый час. Самого Васи нигде не было видно.

Лёка в ужасе подскочила на кровати, вообразив, что опаздывает на съемку, но вспомнила, что Парамонов запретил сегодня снимать на набережной, и успокоилась.

Вася вернулся через несколько минут, когда Лёка уже оделась и приводила себя в порядок. Она не сразу заметила странное выражение его лица.

- Лёка... Там из угрозыска пришли, всех опрашивают.

- Опять? - вырвалось у нее.

- Да нет, это не из-за утопленника... Сашу зарезали.

Она опустила руку, в которой держала расческу, и с недоумением посмотрела на Васю.

- Сашу Деревянко? Помощника оператора?

- Ну да...

- За что? - пробормотала она, все еще не веря в то, что Саши Деревянко, который замечательно умел рассказывать анекдоты и сам заразительнее всех хохотал над ними, больше нет.

Вася развел руками и повалился на стул.

- А я знаю?

- Я же видела его вчера вечером... - пролепетала она и умолкла.

Бедный Саша. А если бы на его месте оказалась Нюра? Если бы...

В дверь кто-то решительно постучал.

– Войдите! – крикнул Вася.

Это оказался не сам Парамонов, а его подчиненный Сандрыгайло – тощий, как спичка, упорный, как заноза, и в двадцать с небольшим уже плешивый. Он изложил суть дела, извинился и объяснил, что ему надо снять показания.

– Я хотел бы взглянуть на ваши документы... Таков порядок...

Лёка была последним человеком, который стал бы возражать против существующего порядка, и вручила помощнику свое удостоверение личности со словами «РСФСР» и гербом республики на обложке.

Помощник пробежал глазами строки. Фамилия, имя и отчество... Год, месяц, число и место рождения... Место постоянного жительства... Род занятий... Отношение к прохождению обязательной воинской службы (прочерк)... Семейное положение – девица. Серия документа... номер... подпись... печать...

«А ничего девица-то», – подумал Сандрыгайло, бросив быстрый взгляд на Лёку, и стал заполнять протокол.

– Когда вы видели Александра Ивановича Деревянко в последний раз? Я имею в виду, живым...

Лёка с трепетом посмотрела на собеседника.

– Мне кажется, я видела его вчера в кафе. Он сидел на веранде...

– Что за кафе, как называется? – насторожился Сандрыгайло.

– Я не помню... кафе недалеко от набережной... ну вот если идти... – Она попыталась описать, как именно идти, но сразу же запуталась во всевозможных подвохах.

– Вывеска там была? – пришел ей на помощь собеседник.

– Была, но я не запомнила...

– Сколько слов на вывеске?

Лёка задумалась.

– Кажется, два...

– Может, «Красная Ривьера»? – Это заведение располагалось ближе всего от места, где обнаружили труп.

– Я не знаю. Не помню... – удрученно пробормотала Лёка.

– Оркестр в заведении играл?

– Да-да!

– Большой оркестр-то?

– Нет, там всего несколько музыкантов... Столики круглые, но без скатертей... Мне кажется, в названии был какой-то цветок, – неожиданно объявила Лёка и посмотрела на Сандрыгайло с надеждой.

Значит, все-таки не «Красная Ривьера», а «Роза ветров».

Сандрыгайло насупился.

Сразу же ведь мог сообразить, что помощнику оператора «Красная Ривьера» не по карману. Там приезжие гуляют, у которых денег куры не клюют, всякие нэпманы и их спутницы с громкими голосами и накрашенными лицами.

– В котором часу это было?

– Ну...

– Я понимаю, что точное время вы не запомнили, но хотя бы приблизительно. Когда?

- Вечером. Часов в пять, в шесть...

- Скажите, а вы не заметили, Деревянко был один? – спросил Сандрыгайло.

- Нет. С ним сидел Щелкунов, наш реквизитор, и Пирожков... гример...

- Они приехали из Москвы?

- Нет, они с местной кинофабрики, – подал голос Вася.

- Как и Деревянко, – пробормотал себе под нос Сандрыгайло. – Скажите, барышня, только честно: вы не замечали, может, у них были какие-то конфликты? Я имею в виду, у убитого с теми двумя...

- Нет... – потерянно ответила Лёка и даже головой мотнула. – Что вы... какие конфликты... Мы все над одним фильмом работаем... Пирожков и Щелкунов – замечательные люди...

Вася слушал ее и хмурился.

Ему только сейчас пришло в голову, что Лёка в последнее время стала часто гулять одна и даже не приглашала его с собой. Но тут он посмотрел на ее нежное испуганное личико и устыдился своих подозрений.

Конечно, она вся на нервах, потому что съемки сложные, и Винтер не всегда ею доволен... А она честолобива, хоть и старательно это скрывает...

- А вообще у покойного были конфликты с кем-то из членов съемочной группы? – по-деловому рубанул Сандрыгайло.

Лёка заколебалась.

Вот, к примеру, Эдмунд Адамович пару раз рявкал на помощника, который по мелочи проштрафился – нечетко написал цифры на дощечке, криво установил камеру. Но ведь любому же ясно – из-за таких вещей не убивают.

– Например, – Свидригайло быстро глянул лист одного из предыдущих протоколов, – с Голлербухом ссорился?

– Вы имеете в виду Володю Голлербаха?

– Да, его.

– Да нет, с какой стати...

– А вот, к примеру, художник ваш, Усольцев? Или Лавочкин. Умора какой актер, – добавил Сандрыгайло, улыбаясь во весь рот, но тут же напустил на себя официальный вид. – С ними Деревянко ссорился?

Вася счел своим долгом вмешаться и объяснил недоумевающей Лёке, что именно Усольцев, Голлербах и Лавочкин вчера обнаружили убитого, причем все трое были в подпитии и, как следствие, первыми попали под подозрение.

– Послушайте, – начала Лёка, оправившись от изумления, – они никогда... Как вы вообще можете думать, что кто-то из них имеет отношение к... к этому делу...

Она говорила, и в то же самое время какой-то противный голос нашептывал ей, что даже она сама несколько часов назад обдумывала убийство человека, который по большому счету ничего плохого ей не сделал, а раз так... Раз так, вообще никому нельзя верить.

– Я просто задаю вопросы, – пожал плечами Сандрыгайло и быстро-быстро стал водить ручкой по бумаге. – В общем, у вас нет никаких подозрений, кто и за что мог убить Деревянко?

– Никаких, – пробормотала Лёка и развела руками. – Я... у меня... совсем... – Она посмотрела на Васю и умолкла.

...Примерно через полтора часа Сандрыгайло в кабинете начальника ялтинского угрозыска докладывал мрачному Парамонову, что именно ему удалось узнать от коллег убитого.

– Девушка дала зацепку – «Роза ветров». Заведение так себе, но ничего подозрительного за ним не числится. Конечно, если б Деревянко просто оглушили и обчистили, было бы более-менее понятно, кого искать. Но...

Парамонов шевельнулся на стуле.

– Евсеич осматривал тело, – сказал он кисло.

Евсеич был старый доктор, который уже много лет помогал сначала полиции, а потом угрозыску, и его заключения ценились на вес золота.

– И что?

– Один удар в сердце. Евсеич говорит – бандитская манера. Кого-то мы прошляпили, – вздохнул Парамонов.

Среди прочего ему вменялось следить за тем, чтобы к началу курортного сезона в городе не оставалось никакого криминального элемента, способного осложнить жизнь отдыхающих.

Но элемент пер из всех щелей, выходил из тюрем по многочисленным амнистиям, приуроченным к столь же многочисленным революционным праздникам, ехал из Одессы и Ростова, слетался, как мухи на мед, и Парамонов страдал.

Ему приходилось прикладывать нешуточные усилия для того, чтобы соблюдался порядок.

Отчасти выручала разветвленная сеть осведомителей, отчасти – то, что начальник угрозыска положил себе за правило знать все подозрительные места в городе и держал их под контролем. И вот нате вам, за одни сутки разом – выловленный из моря труп и убитый киношник.

– Есть у меня одно соображение... – начал Сандрыгайло, косясь на шефа.

– Валяй.

– К старухе Лукомской недавно вселился жилец. Без чемоданов.

Парамонов насторожился.

– Ну? Кто такой?

– По документам числился как Опалин, а там – кто знает? Соседка Лукомской Крутикова говорит – на роже шрам, да и рожа бандитская. Проверить бы, говорит, его. И вот еще что: по приметам он очень похож на того, кто жену наркома обложил матом, когда она ехала в своем авто. Помните, она нам еще скандал закатила из-за этого...

– Приведи-ка его ко мне, – в порыве вдохновения объявил Парамонов.

– А «Роза ветров»?

– Потом. Сначала этот, со шрамом.

Сандрыгайло не стал спорить, а откозырял и отправился разыскивать подозрительного Опалина, который обнаружился после трех часов поисков возле одного из ялтинских санаториев.

Представитель власти доставил задержанного в отделение угрозыска, а затем события приняли совершенно неожиданный оборот.

Глава 7

Человек с пистолетом

– Вы маньяк, мошенник и вор!

Из фильма «Мисс Менд» (1926)

Солнце выжгло ялтинские улицы.

Все живое попряталось; даже самые закаленные на свете люди – продавцы лимонада и мороженого – предпочли укрыться кто куда. Жирный дрожащий зной лег на город и обволок его, как маслом. Дышать случайному человеку, вышедшему из дома, было примерно так же легко, как в жерле вулкана.

Обычно оживленная улица возле здания угрозыска словно вымерла в этот знойный послеполуденный час, и только самый стойкий житель Ялты – старый извозчик Мустафа – маячил на козлах своей пролетки.

Его лошадь стояла, понутив голову, и, должно быть, в мозгу ее перекачивались не самые веселые мысли насчет безрассудства хозяина, который в такую адскую жару все еще рассчитывает заполучить какого-нибудь седока.

Неожиданно оба, и лошадь, и хозяин, услышали какой-то странный шум, и в следующее мгновение из окна кабинета начальника угрозыска вылетел человек.

– Шайтан! – вырвалось у извозчика.

К счастью, кабинет располагался на первом этаже, и выпавший оттуда гражданин, судя по всему, не пострадал. Когда он поднялся, Мустафа не без изумления признал в нем самого Николая Михайловича Парамонова.

Тут, надо признаться, даже лошадь заинтересовалась и повернула к начальнику угрозыска голову.

Извозчик заволновался. По опыту прошлых лет он отлично помнил, что когда начальство вот так запросто выкидывают в окна, это обычно служит признаком смены власти.

Уж не проспал ли он какой-нибудь загадочный переворот, уж не кончились ли Советы, уж не вернулась ли монархия?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Кадр – в данном случае отрезок эпизода между двумя монтажными склейками.

2

В 20-е годы слово «фильм» употреблялось почти исключительно в женском роде.

3

Эти люди меня пугают (фр.).

4

Сколько шума! Не понимаю, почему они все время повторяют одно и то же. А у девушки такое короткое платье (фр.).

5

Зато ее маленькая белая шляпка довольно милая (фр.).

6

Толстовка (в 20-е и 30-е годы) – тип носившейся на выпуск мужской однобортной рубашки, часто – с большими карманами на груди.

7

Так тогда называли подробный конспект будущего сценария.

8

«Кандид» (1758) – повесть французского писателя Вольтера (1694–1778), одно из самых известных его произведений.

9

Ялтинская киностудия, созданная русским кинопромышленником А. А. Ханжонковым (1877–1945).

10

Чарли Чаплин (1889–1977) – звезда кино, актер и режиссер.

11

Бастер Китон (1895–1966) – комик, звезда немого кино.

12

Прозвище И. В. Сталина.

13

«Аэлита» – фильм Якова Протазанова (1925), первая фантастическая лента советского кино.

14

Иван Антонович Думбадзе (1851–1916) – русский генерал, градоначальник Ялты.

15

Около 50 граммов.

16

Гарри Пиль (1892–1963) – немецкий актер, звезда боевиков.

Жорж Фуке – французский ювелир. Созданные им украшения отличаются яркой индивидуальностью и принадлежат к стилю ар нуво (модерн).

Купить: https://tellnovel.com/ru/verbinina_valeriya/lastochkino-gnezdo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)